

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

МАТЕРИАЛЫ
XXXIV
МЕЖДУНАРОДНОЙ
ФИЛОЛОГИЧЕСКОЙ
КОНФЕРЕНЦИИ

Выпуск 1
СЕКЦИЯ БАЛТИСТИКИ
БАЛТИЙСКАЯ ДИАЛЕКТОЛОГИЯ

Тезисы докладов

5 марта 2005 г.
Санкт-Петербург

Филологический факультет
Санкт-Петербургского государственного университета
2005

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

**МАТЕРИАЛЫ
XXXIV
МЕЖДУНАРОДНОЙ
ФИЛОЛОГИЧЕСКОЙ
КОНФЕРЕНЦИИ**

Выпуск 1

СЕКЦИЯ БАЛТИСТИКИ

БАЛТИЙСКАЯ ДИАЛЕКТОЛОГИЯ

Тезисы докладов

*5 марта 2005 г.
Санкт-Петербург*

Филологический факультет
Санкт-Петербургского государственного университета
2005

Ответственный редактор:

А. В. Андронов

© Коллектив авторов, 2005

© Филологический факультет

Санкт-Петербургского государственного университета, 2005

МАТЕРИАЛЫ
XXXIV Международной филологической конференции

Выпуск 1

СЕКЦИЯ БАЛТИСТИКИ

БАЛТИЙСКАЯ ДИАЛЕКТОЛОГИЯ

Тезисы докладов

5 марта 2005 г.
Санкт-Петербург

Лицензия ЛП № 000156 от 27.04.99

Авт. л. 2,58. Печ. л. 2,25. Тираж 100 экз. Заказ № ____.

Филологический факультет СПбГУ.
199034, С.-Петербург, Университетская наб., 11.

ОНУТ филологического факультета СПбГУ.
199034, С.-Петербург, Университетская наб., 11.

Санкт-Петербургский
государственный университет

5 марта 2005 г.

От редактора

Восьмая конференция цикла «Балтистика в Петербурге» посвящена диалектологии. В сравнительно небольшом числе докладов отражены различные аспекты изучения говоров латышского и литовского языков, с исторической и синхронной точек зрения анализируется конкретный материал, обсуждаются общие вопросы методологии диалектологических исследований, уделено внимание истории науки, формулируются актуальные задачи дальнейшей работы.

Балтистика в СПбГУ вступила на новую ступень развития: в 2004 году открыто самостоятельное отделение баллистики с пятилетним учебным планом, на первый курс принято 9 студентов. Это событие было отмечено трогательным вниманием не только наших коллег из университетов и академических институций стран Балтии, но и представителей правительственных организаций: в первые дни сентября новое отделение посетила супруга президента Литовской Республики госпожа Алма Адамкене, а в числе почётных гостей, прибывших на церемонию открытия кабинета и библиотеки баллистики 29 октября, были государственный секретарь министерства образования и науки Литвы Дайнюс Нумгаудис и руководитель отдела международных связей министерства образования и науки Латвии Мара Катваре. Библиотека баллистики получила и продолжает получать большое количество классических и новых филологических изданий, учебников, словарей, произведений художественной литературы.

В области научной работы деятельность отделения связана с двумя основными направлениями: исследование и публикация материалов, связанных с баллистикой, в архивах и библиотеках Санкт-Петербурга и изучение языка латышских и литовских переселенцев на территории России (совместно с Латвийским университетом проведена экспедиция в Красноярском крае в июле 2004 года). Сектор баллистики стал одним из первых в создаваемом Институте филологических исследований СПбГУ.

Спасибо всем, кто поддерживает нас и участвует в нашей работе!

Конференции по балтистике в СПбГУ

(время проведения — первая неделя марта)

- 1998 г. Круглый стол «Балтийская филология»
- 1999 г. Фонетика и акцентология
- 2000 г. Морфология и словообразование
- 2001 г. Синтаксис
- 2002 г. Лексикология и лексикография
- 2003 г. Этимология и ономастика
- 2004 г. Историческая грамматика, история литературного языка
- 2005 г. *Диалектология*
- 2006 г. Стилистика и культура речи
- 2007 г. Психолингвистика, социолингвистика, компьютерная лингвистика
- 2008 г. Круглый стол «Балтийская филология»: 10 лет спустя

Председатель организационного комитета

Алексей Андронов

e-mail: aleksey.andronov@lycos.com

Санкт-Петербургский государственный университет
Филологический факультет
Кафедра общего языкознания
Отделение балтистики
Университетская наб., 11
199034 Санкт-Петербург, Россия
тел. (7 812) 328 95 10
факс (7 812) 328 97 65

St. Petersburg State University
Philological faculty
Department of General Linguistics
Chair of Baltistics
Universitetskaya nab., 11
199034 St. Petersburg, Russia
phone (7 812) 328 95 10
fax (7 812) 328 97 65

<http://www.genling.nw.ru/baltist/baltist.htm>

Над страницами «Латышской диалектологии» Марты Рудзите

Подготовка к переизданию диалектологических трудов Марты Рудзите¹ дала повод вновь обратиться к некоторым кардинальным вопросам латышской диалектологии, таким как классификация говоров, их картографирование, диалектологическая транскрипция.

1. Можно условно противопоставить два подхода к описанию разнообразия диалектного материала: «дифференциальный» — исследование распространения отдельных языковых явлений на некоторой территории, имеющее результатом установление изоглосс, и «интегральный» — описание отдельных говоров, стремящееся к представлению их как цельных языковых систем. Соответственно классификация диалектов может ориентироваться на различия, противопоставляющие соседние диалекты, или на общие черты, объединяющие говоры внутри диалектов. Первый случай представлен в литовской диалектологической традиции [Zinkevičius 1978: 17], второй — в латышской [Rudzīte 1964: 28–29]. Интересен вопрос, в какой степени это различие научных традиций объясняется разницей исторических условий формирования говоров каждого языка.

2. Преобладание «интегрального» подхода в латышской диалектологии имеет следствием отождествление сетки диалектологической карты и административного деления территории: все узлы сетки (resp. волости) рассматриваются как самостоятельные говоры [Рудзите 1969: 5, 6], а административные границы волостей — как (потенциальные) изоглоссы (ср. шаблон латышской диалектологической карты, выполненный Э. Шмите)². В некоторых случаях, однако, территория отдельного говора может быть весьма неоднородной лингвистически: например, говор Кулдиги₈₀ в своей северной части принадлежит к ливонскому диалекту, а в южной — к среднему, говор Сатини₁₀₃ куронский на северо-западе и земгальский на юго-востоке, говор Ливаны₄₃₆ селонский на северо-западе и латгальский на юго-востоке и т. д. «Дифференциальный» подход в латышской диалектологии, способствующий построению чёткой классификации говоров, реализован в лингвистических картах А. Биленштейна [Bielenstein 1892] и В. Рукедрамини [Rūķe 1939; 1940], где нанесены границы собственно языковых особенностей, вовсе не обязательно совпадающие с границами волостей³.

3. Немало вопросов связано с традиционной латышской диалектной транскрипцией, причём несоответствие транскрипции МФА отнюдь не является главной проблемой: в первую очередь транскрипционная система должна быть удобной для описания

¹ Работа поддержана творческой стипендией Латвийского государственного Фонда культурного капитала (№ 2004-4-STR034).

² Самостоятельной проблемой является изучение эволюции классификации говоров латышского языка, представленной на разных вариантах карт М. Рудзите [1963: вклейка 1об. ≈ 1964: 408–409; 1969: карта № 1; 1982: 526 = 1993: вклейка 1] а также на карте Диалектологического атласа латышского языка [LVDA 1999]. К сожалению, в этих изданиях отсутствуют пояснения причин производимых изменений, нет конкретных указаний на источники новых сведений. Лишённая комментария, неоценённой остаётся и весьма поучительная внутренняя логика технического оформления карт, скрупулёзно вычерченных Тену Кармой (выбор штриховки, организация таблицы диалектов в легенде, расположение пояснений).

³ Необходимость адаптации материалов А. Биленштейна к возобладавшей «интегральной» традиции вынудила М. Рудзите провести искусственно ломаную и даже прерывистую в некоторых местах изоглоссу лабиализации \bar{a} и a [1969: карта № 10].

материала конкретного языка, унификация же систем символов и диакритических знаков — это скорее внешняя (и в этом смысле второстепенная) задача.

Основным принципом любой транскрипционной системы должно быть одно-однозначное соответствие транскрипционного символа и звука [Зиндер 1979: 291]. В традиционной латышской транскрипции, однако, наблюдается ситуация, когда значение некоторых символов оказывается зависимым от контекста. Так, гравис над гласным в дифтонгическом сочетании с сонантом обозначает нисходящий акцент, а вне такого сочетания подразумевает также долготу гласного (ср. *lèmt* и *lèma, nàc!*); при анализе диалектного материала, однако, нередко возникает вопрос, является ли конкретное сочетание дифтонгическим и обозначение акцента оказывается двусмысленным (ср. *mòajas²*, *màqasa²*, *úudènc²*). Дифференцированное обозначение палатализованности согласных — обычно только перед гласными заднего ряда [Ābele 1935: 84] — также является отступлением от основного принципа транскрипции. Отличие в расположении знака палатализации — обычно над буквой (*ń*), но в селонских говорах за ней (*n'*) — мешает единообразию транскрипции, лучше во всех случаях для обозначения палатализации использовать отличный от акута знак минуты: *ń* (*kol'ńi*)⁴. О проблемных случаях употребления индекса ² для указания на акцентуационную систему говора подробнее см. [Андронов 1996: 202–203]. Менее существенные замечания вызывает использование традиционной пунктуации вместо интонационной транскрипции (что может быть причиной двусмысленности из-за совпадения знака двоеточия и обозначения полудолготы) и употребление заглавных букв в именах собственных (формально противоречащее принципу «один звук — один знак», но облегчающее ориентацию в тексте).

Литература

- Андронов 1996 — А. Андронов. Некоторые замечания о просодических явлениях в диалектах латышского языка и их представлении на карте // *Baltistica*, XXXI₍₂₎. Vilnius, 1996. — p. 201–212.
- Зиндер 1979 — Л. Р. Зиндер. Общая фонетика. Москва, 1979.
- Рудзите 1969 — М. Рудзите. Латышская диалектология (фонетика и морфология). Автореферат докт. дисс. Рига, 1969.
- Ābele 1935 — A. Ābele. Dažas piezīmes par mūsu dialektoloģiskajos rakstos lietājamo fōnētisko transkripciju // *FBR*, XV. Rīga, 1935. — 80.–85. lpp.
- Bielensteins 1892 — A. Bielenstein. Atlas der ethnologischen Geographie des heutigen und des praehistorischen Lettlandes. St. Petersburg, 1892.
- LVDA 1999 — Latviešu valodas dialektu atlants. Leksika. Rīga, 1999.
- Rudzīte 1963 — Latviešu izlokšņu teksti / sast. M. Rudzīte. Rīga, 1963 (uz vāka 1964).
- Rudzīte 1964 — M. Rudzīte. Latviešu dialektoloģija. Rīga, 1964.
- Rudzīte 1982 — [M. Rudzīte.] Latviešu valodas dialekti [karte ar alfabētisku izlokšņu sarakstu] // Latvijas padomju enciklopēdija. 2. sēj. Rīga, 1982. — 526.–528.lpp.
- Rudzīte 1993 — M. Rudzīte. Latviešu valodas vēsturiskā fonētika. Rīga, 1993.
- Rūķe 1939 — V. Rūķe. Latgales izlokšņu grupējums // *FBR*, XIX. Rīga, 1939. — 133.–188. lpp.
- Rūķe 1940 — V. Rūķe. Kurzemes un Vidzemes lībiskais apgabals // *FBR*, XX. Rīga, 1940. — 75.–128. lpp.
- Zinkevičius 1978 — Z. Zinkevičius. Lietuvių kalbos dialektologija. Vilnius, 1978.

⁴ До сих пор не решён технический вопрос компьютерного набора диалектных текстов. По примеру литовских коллег (http://www.eunet.lt/girdenis/Fonetines_rasybos_srifantai.htm) следовало бы создать специализированные универсальные шрифты и сделать их свободно доступными.

Проблемы экспериментального исследования звуков в диалектологии

В последнее десятилетие (1995–2005 гг.) в Литве стали интенсивно развиваться экспериментальные исследования звуков литовских говоров. Экспериментальным способом уже обследовано немало говоров главных литовских диалектов: аукштайтского и жемайтского. Большинство таких исследований проводится учениками профессора А. Гирдяниса, поэтому можно говорить о новой школе молодых учёных, работающих по более или менее одинаковым принципам и использующих одни и те же методы.

По своему объекту экспериментальные исследования наших дней отличаются от прежних (80-х годов XX в.), когда таким способом в основном изучался литовский литературный язык. Материал сегодняшних экспериментальных работ чаще всего составляют минимальные пары релевантных звуковых элементов литовских говоров. Результаты экспериментального исследования стали основой для описания фонологических систем говоров.

Однако применять экспериментальное исследование в диалектологии не так просто. Есть мнение, особенно среди ученых старшего поколения, что такое исследование вообще неприменимо для определения звуковых систем говоров, так как говор естественно проявляется только через непрерывный устный текст, а именно использование его, как такого, в экспериментальном исследовании невозможно. Решив идти по экспериментальному пути, молодые ученые сталкиваются с рядом проблем.

1. Проблемы, связанные с записью материала.

1.1. Выбор представителей говора — хорошая дикция или владение говором? Так как записывается речь людей наиболее старшего поколения (60 лет и более), часто бывают случаи, когда у хорошего представителя говора дефектен произносительный аппарат или возникает проблема волнения перед микрофоном и т. д.

1.2. Подбор материала — фонетика или диалектология? Без „общefonетических“ проблем, особенность экспериментальной диалектологии проявляется ещё в том, что материал для представителя говора должен быть „своим“, то есть каждое слово должно употребляться в данном говоре. Эта трудность возникает особенно при сравнении нескольких диалектов.

1.3. Представление материала — слова или фразы? Чтобы создать естественную речевую среду, анализируемое слово обычно включается в короткие фразы из трёх-четырёх слов, однако такие фразы часто выглядят искусственно.

1.4. Способ записи — «открыто» или «скрыто»? Исследователь может выбирать запись с «открытым» микрофоном и лучшее качество, при чём, однако, часто страдает естественность речи, или «скрытый» микрофон и естественность, но существенно ухудшенное качество.

1.5. Выбор образа речи — чтение или повторение? Человек может просто прочитать записываемые фразы, но тогда появляется ненатуральная интонация чтения. Ещё одна проблема при таком способе работы — какими знаками (транскрипцией или простыми буквами) написать материал? Чтобы избежать таких проблем, используется и другой путь — сначала исследователь произносит нужную фразу, затем представитель говора её три-четыре раза повторяет. К сожалению, оба пути имеют свои недостатки.

2. Проблемы, связанные с обработкой материала.

2.1. Неточная сегментация звукового сигнала. Это самая острая „общефонетическая“ проблема, с которой сталкиваются все исследователи экспериментальной фонетики. В диалектологии она часто обостряется из-за плохого качества записи.

2.2. Неодинаковость в представлении результатов исследования. Все исследователи, работающие по одинаковой методике, должны употреблять те же самые единицы измерения, те же самые графические способы представления материала, те же самые понятия и т. д.

3. Проблемы, связанные с интерпретацией материала. Экспериментальным путём установленные различия между звуками или просодическими элементами не всегда можно принимать за дифференциальные признаки фонем или просодем. В этой области исследователю помогают статистические методы, но даже и при статистически значимой разнице двух анализируемых явлений не всегда ясна их фонологическая интерпретация.

В зависимости от того, как будут решены упомянутые выше проблемы, можно получить разные результаты экспериментального исследования диалектологического материала. Чтобы достичь достаточно объективных данных, в экспериментальной диалектологии надо соблюдать два главных принципа: употреблять по возможности одинаковые методы исследования и сравнивать не конкретные элементы, а только отношения между ними.

Brigita Bušmane (Rīga)

Paniņu nosaukumi latviešu valodas izloksnēs

Ar sviesta gatavošanu saistītajam piena produktam — paniņām — latviešu valodas izloksnēs (kopā ar vārdu variantiem) ir reģistrēts vairāk nekā 50 nosaukumu. Tie ir bagāts avots kā valodas, tā materiālās kultūras pētījumiem.

Cilmes aspektā ir izdalāmas četras galvenās nosaukumu grupas.

1. Plašāko grupu veido nosaukums *panijas* un tā varianti, kas izplatīti Vidzemē un Latgalē, retāk sastopami Kurzemē, Zemgalē un Augšzemē. Samērā plašus areālus aptver atsevišķi šā vārda varianti, piemēram, *panejas* Latgalē un vietām Augšzemē, *paniņas* Vidzemē dienvidos no līnijas Limbaži — Lubāna, kā arī Ziemeļaustrumvidzemē, *panīnas*, retāk *panas* Vidzemē galvenokārt ap Cēsīm, Smiltēni, Valmieru līdz Vecpiebalgai, *paņas* Ziemeļrietumvidzemē līdz Burtniekiem, Lenčiem.

Vārds *panijas* un tā varianti ir relatīvi senākie produkta apzīmējumi, kas ietver norādi uz darbību, ko veic, gatavojot sviestu. Tie atvasināti no mantotā verba *nīt* ‘gatavot (sviestu)’, kas, iespējams, ir radniecīgs senindiešu *nava-nī* vai *navanīta-m* ‘svaigs sviests’, kā arī verbam *vi-nī* ‘apmaisīt’ (ME II 748) un kura galvenais areāls 20. gs. otrajā pusē ir Latgale, kā arī nelieli apvidi Dienvidrietumkurzemē, Dienvidaustrumvidzemē un Augšzemes austrumos. Salīdzinot verba *nīt* un no tā darināto substantīvu areālus, kā arī ņemot vērā to izplatību no kompaktā areāla — Latgales — attālajā Dienvidrietumkurzemē, vedas domāt, ka verba *nīt* areāls senāk ir bijis plašāks.

2. Mantotais vārds *sulas* (sal. lietuviešu *sulà* ‘sula, kas pavasarī tek no kokiem’, *sùltys* ‘sula(s)’, prūšu *sulo* ‘rūgušpiens’, senindiešu *súrā* ‘reibīgs dzēriens’ u. c. — sk. ME III 1119,

LEW 940, LEV II 323), tā deminutīvs *suliņas*, vārdkopnosaukumi *sviesta* (arī *svieksta*) *sulas* (arī *suliņas*) sastopami Dienvidaustrumvidzemē un dažviet Ziemeļrietumvidzemē. Arī tie ir relatīvi seni produkta apzīmējumi (tomēr, liekas, jaunāki par nosaukumu *paniņas*), kas saistīti ar divu dažādu piena produktu nomināciju un skaidrojami ar vārda *sulas* semantikas paplašināšanos. Piebilstams, ka vārds *sul(iņ)as* Vidzemē un Augšzemē tiek lietots arī cita piena produkta — sūkalu — apzīmēšanai.

3. Plašu grupu veido produkta saliktie nosaukumi ar ģermānisma *ķērne* vai *ķērna* (*ķērne* ‘augšdaļā sašaurināts koka trauks ar vāku; trauks (ierīce) sviesta gatavošanai’; aizgūts no viduslejasvācu *kerne* ME II 376) locījuma vai celma formu atkarīgajā komponentā resp. pirmajā daļā un substantīvu *piens* neatkarīgajā komponentā resp. otrajā daļā — *ķērnes piens*, *ķērnas piens*, *ķērnespiens*, *ķērnspiens*, *ķērnpiens* u. c. —, kas izplatīti Kurzemē, Zemgalē un Augšzemē.

Pēc etnogrāfes L. Dumpes domām, trauka nosaukuma aizgūšana rosina secināt, ka īpašs sviesta taisāmais trauks Latvijā ir izplatījies viduslaikos ar muižu starpniecību. Uz šo laiku attiecināma arī paniņu nosaukuma *ķērnes piens* (vai varianta) rašanās. Vārdnīcās tie sastopami kopš 17. gadsimta.

4. Jaunākajā paniņu nosaukumu grupā iekļaujami daži lokālie aizgūvumi — slāvisms *maslankas* un tā varianti, kas sastopami Latgales austrumos, dienvidos, kā arī dažviet Augšzemē (nosaukums *maslanka* līdzās poļu *maSlanka* minēts J. Kurmina vārdnīcā — 1858, 74), un lituānisms *pasukas*, kas reģistrēts izlokšņu vākumos 20. gs. otrajā pusē Rucavā.

Īpaši izdalāmi paniņu saliktie nosaukumi ar substantīvu *piens* neatkarīgajā komponentā resp. otrajā daļā, piemēram, *paniņpiens*, *paņpiens*, *sviesta piens*, *sviekstpiens*, kuri neveido kompakus areālus un parasti sastopami līdzās izplatītākam apzīmējumam.

Saīsinājumi

LEV II — K. Karulis. Latviešu etimoloģijas vārdnīca. 2. sēj. Rīga: Avots, 1992.

LEW — E. Fraenkel. Litauisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg: Carl Winter Universitätsverlag, Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1955–1965.

ME — K. Mīlenbahs. Latviešu valodas vārdnīca. Rediģējis, papildinājis, turpinājis J. Endzelīns. 1.–4. sēj. Rīga, 1923–1932.

Оярс Бушс, Элга Кагайне (Рига)

Ещё раз об ареальном и этимологическом аспекте анализа латышской лексики *rauna* / *Pauna*

В латышском языке имеются принадлежащее к литературной лексике слово *rauna* ‘priekšmets vai priekšmetu kopums, kas ir iesaiņots (parasti drānā); sainis’ // parasti dsk. ‘bagāža, saiņi’ [LLVV 6₁ 535], диалектные семантические варианты этого слова, из которых наиболее известным и наиболее широко распространенным является диалектизм со значением ‘der Schädel; der Stirnknochen; der Kopf (ironisch)’ [ME III 128], а также около сорока пяти топонимов с лексической основой *Paun-* [LVV 2003: 183–184]. В свою очередь, в эстонском языке представлено два омонима *raun* 1. ‘Ranzen, Felleisen, (scherzw.) Magen’; 2. ‘Wasserloch (zum Flachrösten), *jõe-raunad* ‘niedrige Stellen am Bachufer, welche sich bei Hochwasser füllen’ [Wied. 776], в финском — два омонима *rauna* 1. (// *rauni*) ‘пруд; лужа’; 2. ‘сумка’; спорадические рефлексивы упомянутых лек-

сем имеют место также в ливском и карельском языках. Об этимологических взаимоотношениях этих (и родственных им) балтийских (латышских) и прибалтийско-финских слов уже писалось неоднократно [SSA II 327(с литературой); Karulis 1992: II 27; Bušs 1989; 1998], однако еще раз обратить внимание на них заставил новый диалектологический материал, в частности, новые случаи записи упомянутого лтш. диалектизма *rauna* ‘череп; голова’.

К настоящему времени преобладает мнение о балтийском происхождении лексико-семантического комплекса, связанного со значением ‘ноша; сумка’ (при этом непосредственным источником заимствования для соответствующего финского слова предполагается эстонский язык как посредник). Эстонские и финские слова, обозначающие гидрообъекты, гипотетически сопоставляются — как возможные славизмы — с русским *багно*, однако более пристального внимания требует возможность балтийско-финноугорских контактов и в этом случае, ср. лтш. *rīņa* (об этой лексеме см. [Hirša 1987: 68–69, 73]) — тем более, учитывая, что этимология самого предполагаемого источника заимствования *багно* толкуется по разному [Фасмер 1964: 102] и тем самым не одна из этих гипотез, отдельно взятая, не является максимально убедительной.

Диалектный лексико-семантический вариант *rauna* ‘череп; голова’ уже Я. Эндзелином объединён в одно этимологическое гнездо с *rauna* ‘ноша’ (хотя с синхронической точки зрения эти слова даны как омонимы) [ME III 128]. За последние годы упомянутый диалектизм (с некоторыми вариациями значения, напр., ‘глупая голова; свиная голова’) записан в ряде говоров восточной Видземе — Алсвики, Анна, Бея, Вецсауле, Илзене, Леясциемс, Ранка, Синоле, Яунпиебалга и др., т. е. в ареале, который нередко характеризуют диалектизмы финноугорского происхождения. Это заставляет с максимальной внимательностью проверить, не может ли и в случае *rauna* ‘череп; голова’ иметь место какое-то финноугорское влияние. Однако, с другой стороны, как уже упомянутая большая вероятность этимологической связи с *rauna* ‘ноша’, так и наличие в латышском языке «тройни» *rauna / pauska / pauris* со взаимно аналогичной семантикой и этимологией (см. также [Karulis 1992: II 23, 27]), а также некоторых других слов того же этимологического гнезда с *pau-* (возможно, и с *bau-*), заставляет прийти к выводу, что в этом случае противоречие между ареальной характеристикой лексемы (или лексико-семантического варианта) с одной стороны и прочими аргументами с другой стороны следует разрешить в пользу «прочих аргументов» и можно признать апеллятив *rauna* со всеми его значениями словом балтийского (латышского) происхождения. Что же касается финноугорского влияния, то оно возможно в отношении некоторых топонимов, преимущественно гидронимов (напр., *Paurupis // Rauņupis* река в Друвиене).

Литература

- Bušs 1989 — O. Bušs. Dažu Latvijas vietvārdu cilmes īpatnības (*Pasiene, Pauna, Pazlauka, Pepītis*) // Valodas aktualitātes — 1988. Rīga, 1989. — 268.–274. lpp.
- Bušs 1998 — O. Bušs. Eine Streitfrage der lettischen Namenkunde (Ortsnamen mit *Paun-*) // Baltistik: Aufgaben und Methoden // Hrsg. von Alfred Bammesberger. Heidelberg, 1998. — S. 371–376.
- Hirša 1987 — Dz. Hirša. Ieskats bij. Sarkanmuižas (resp. Ventas) pagasta toponīmijā // Onomastikas apcerējumi. Rīga, 1987. — 48.–124. lpp.
- Karulis 1992 — K. Karulis. Latviešu etimoloģijas vārdnīca. I–II. — Rīga, 1992.
- LLVV — Latviešu literārās valodas vārdnīca. 1.–8. sēj. — Rīga, 1972–1996.
- LVV 2003 — Latvijas vietvārdu vārdnīca. *Paaglis — Piķu-*. Rīga, 2003.

ME — K. Mülenbachs. Latviešu valodas vārdnīca. Rediģējis, papildinājis, turpinājis J. Endzelīns. I–IV. Rīga, 1923–1932.

SSA — Suomen sanojen alkuperä. 2. L–P. Helsinki, 1995.

Wied. — F. J. Wiedemann. Estnisch-deutsches Wörterbuch. Tallinn, 1973.

Фасмер 1964 — М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка. Т. 4. Москва, 1964.

Лина Бронислововна Воробьёва (Псков)

Этнографическая лексика в паремиях (на материале литовского языка и псковских говоров)

Язык — постоянно изменяющееся явление. В его состав входят новые слова и выражения, обозначающие новые понятия; другие лексические единицы забываются или становятся непонятными в связи с исчезновением из жизни реалий, которые они обозначали; третьи — изменяют своё значение. Это закономерный процесс.

Известно, что лексика, отражающая понятия материальной и духовной жизни народа, представляет огромный интерес не только в историческом, этнографическом, но и в лингвистическом аспекте. Отличительной чертой многих современных исследований является их этнолингвистическая направленность, которая позволяет обнаружить связь языковых фактов с фактами национальной истории, культуры, обычаев, быта. Несмотря на то, что термины «этнографизм», «этнографическая лексика» употребляются широко, ещё ни один толковый словарь русского языка не включил их в свой словарь, они не получили достаточно четкого определения. Под этнографизмами (вслед за Е. Н. Этерлей) мы понимаем слова, обозначающие предметы и понятия, связанные с особенностями быта, материальной и духовной культурой определённого народа, народности или местности [Этерлей 1976: 16].

Пословицы и поговорки (паремии) являются ценнейшим источником сведений о культуре, быте, истории, окружающей природе. Большинство из них отражает стереотипы народного сознания. Являясь предельно сжатыми по своей форме, пословицы и поговорки представляют не только систему морально-этических норм, но и заключают в себе сумму знаний о внутреннем мире человека, о менталитете определённого народа вообще.

Одежда и обувь, являясь важной частью материальной культуры народа и изменяясь под влиянием социально-экономических условий, тем не менее сохраняет определённые черты в покрое, форме, названиях. Лексика данной тематической группы сохраняет этническое своеобразие в системе понятий каждого народа и позволяет увидеть богатство диалектной речи. Как отмечает С. А. Кошарная, нигде, как в одежде, так прочно и так наглядно не слились два человеческих начала: духовное и материальное. Эстетика народной одежды целиком зависела от национальных традиций, которые вместе с национальным характером складывались под влиянием климатических, экономических и прочих условий [Кошарная 1999: 122–123].

Богатый информативный потенциал в страноведческом плане представляют литовские и псковские паремии с лексикой тематической группы «Одежда, обувь». Сопоставление литовских паремий именно с псковскими, а не с общерусскими паремиями производится не случайно. По наблюдениям лингвистов, псковские говоры можно по

праву считать уникальным ареалом древних и новых балто-славянских языковых контактов [Лаучюте 1978: 96; Никитина 1998: 16].

Среди специфических наименований одежды и обуви, вошедших в структуру литовских пословиц и поговорок, можно отметить *vyža, naginė, autai, čebatas, andarokas, žiponas, sermėga, juosta*: *Dar kregždė neatlėkė — vyžų balon nemesk, geriau ant tvoros pakark*; *Boba ne naginė, nenuplyš*; *Susiraukęs kaip naginė*; *Devynias nagines iš nugaros režia*; *Eik į peklą velniams autų skalbt*; *Ir džiauškis dabar, tėve, kad sūnus tavo čebatus avi — gali basas pabūti arba iš kiaulės kailio sau nagines pasisiūti*; *Dar nepažino mergos smoko, kol neužvertė andaroko*; *Dar vyras kaip jautis — moka po andarokus brautis*; *Be pinigų ne ponas, kad ir gražus ant jo žiponas*; *Koks stonas, toks ir žiponas*; *Artimesni marškiniai negu sermėga*; *Pirštinės už juostos — pirštinės ieško*. Псковские пословицы и поговорки содержат в своем составе такую этнографическую лексику как *лапты, порты, гашиник, рубаха, кафтан, дьяницы, трух*; *Гули да гули — ан в лапты и обули*; *Звонить в лапоть*; *Лаптем щи хлебать*; *Не выходить с лаптей*; *Лапты с ног не спускать*; *Лапты повесить*; *Лапты сделать (сплести)*; *Вертеть порты*; *Чешется под гашиником — будет помора табашиникам*; *Кто члив, у того гашиник вишив*; *Гноить рубахи*; *Последнюю рубаху отдаст*; *С рубахи вылезать*; *С рубахи вон*; *Холицевая рубаха — не нагота, а невяной хлеб — не голод*; *Надоела белая рубаха да мяхкай хлеб*; *Али я виновата, что рубаха дировата? Кафтан красен клиньями*; *Хоть кафтан серой, а ум черт съел*; *Забрать в ежовые дьяницы*; *Трухов надавать*.

Таким образом, пословицы, представляющие собой значительный пласт лексикона любого языка и отражающие вековые обычаи, обряды, поверья и другие особенности, являются ценным источником сведений о том или ином народе, о его мировидении.

Литература

- Кошарная 1999 — С. А. Кошарная. В зеркале лексикона: Введение в лингвокультурологию. Белгород, 1999.
- Этерлей 1976 — Е. Н. Этерлей. Об этнографизмах и их месте в диалектном словаре // Диалектная лексика. Л., 1976.
- Лаучюте 1978 — Ю. А. Лаучюте. Балтский субстрат в лексике славянских языков // Этнолингвистические балто-славянские языковые контакты в настоящем и прошлом. М., 1978.
- Никитина 1998 — Т. Г. Никитина. Проблемы изучения этнокультурной специфики фразеологии. Псков, 1998.

Лайма Грумадене (Вильнюс)

Новейшие изменения в литовских диалектах

1. Всем нынешним литовским территориальным диалектам свойственна нивеляция по сравнению с понятием «классический диалект»: речь даже самых старых и малообразованных представителей диалекта, то есть «типичных информантов», уже никогда не бывает гомогенной на фоне «правилами определенного диалекта». Этот тезис подтверждается анализом текстов из любого территориального диалекта.

2. Не все литовские диалекты подвергаются нивеляции в одинаковой степени. Здесь уместно заметить, что все диалекты подверглись определенной урбанизации, что привело к формированию своеобразных региональных диалектов. Этот процесс не вы-

толкнул старых диалектов из жизни, так как они остаются в употреблении некоторых носителей. Наоборот, «укрупнение» и нивелиция территориальных диалектов привели к возрождению диалектной речи среди молодого поколения.

3. Важнейшим фактором изменений в диалектах является воздействие на них литовского литературного языка. Этот тезис подтверждается анализом происшедших и происходящих изменений в разных уровнях языка: самые большие перемены наблюдаются в лексике, затем в синтаксисе, морфологии и т. д., фонетический уровень остаётся наименее затронутым.

4. Изменения в диалектах не следовало бы отождествлять с переключением кодов, что, собственно, является механизмом совершения изменений. Поэтому в отдельных случаях наблюдаемое большое варьирование на фонетическом уровне можно расценивать как осознанное манипулирование языком в отношении к ценностной ориентации по шкале «диалект — литературный язык». Анализ текстов показывает, что подавляющее большинство представителей диалектов легко могут показать, как «кто-то» говорит на литературном языке или как этот «кто-то» отстает от правил диалектной речи.

5. Социолингвистический анализ диалектной речи квантитативным методом Лабова позволяет определить некоторые происходящие изменения, о чем подробнее будет рассказано в докладе. Однако наблюдается в отношении упомянутого метода и обратное движение — в некоторых диалектах молодое поколение «типические черты» своего диалекта утрирует.

6. Престиж диалектной речи очень варьирует в зависимости от конкретного диалекта и его «жизненной силы».

7. Кодифицирование литовского литературного языка страдает отсутствием чуткого внимания к диалектной речи, а языковая политика прошлых лет уже привела к большим утратам в отношении корней языка.

Aurelija Genelytė (Vilnius)

Augalų pavadinimai, sudaryti iš gyvūnų, paukščių ar kokių kitų gyvų būtybių vardų

Lietuvių bendrinėje kalboje ir įvairiose jos tarmėse vartojama daugybė augalų vardų, kurių šaknimi eina gyvų būtybių (paukščių, vabzdžių, roplių, žinduolių) vardai. Tokius augalų pavadinimus galima būtų vadinti zoomorfiniais fitonimais (plg. gr. *phyton* ‘augalas’). Tyrimui augalų pavadinimai buvo pačios autorės rinkti iš įvairių lietuvių kalbos šnektų per ekspedicijas, medžiaga pildyta iš „Lietuvių kalbos atlaso“, „Lietuvių kalbos žodyno“ ir iš tarminių žodynų. Taip pat vienas iš pagrindinių duomenų šaltinių buvo Žodyno papildymų kartoteka, nes čia pateikti fitonimų apibrėžimai ir gausesnė nei Žodyne iliustracinė medžiaga dažnai leido tiksliau nustatyti daugelio augalų vardų motyvuočių. Iš viso buvo surinkta apie 500 augalų vardų. Nustatyta, kad daugiausia pavadinimų sudaroma iš šių a) gyvūnų, b) paukščių, c) vabzdžių, d) roplių, e) varliagyvių vardų: a) *arklys, avis, bebras, briedis, ežys, jautis, katė, kalė, karvė, kiaulė, kiškis, kumelė, liūtas, meška, ožys, ožka, pelė, šuo, vilkas, zuikis*; b) *blezdinga ‘kregždė’, gaidys, gandrąs, garnys, gegutė (gegužė), gervė, gulbė, kalakutas,*

kregždė, pempė, starkas ‘gandras’, *šarka, varna, višta, žąsis, žvirblis*; c) *bitė, blakė, musė*; d) *angis, driežas, gyvatė, žaltys*; e) *varlė*.

Tik po vieną ar po keletą pavadinimų sudaryta iš šių gyvūnų, vabzdžių ir paukščių vardų: *antis, apuokas, avinas, bacionas* ‘gandras’, *beždžionė, blusa, burė* ‘avis’, *glinda, elnias, kalė, lapė, lokys, paršas, pelėda, sraigė, stirna, stumbras, šernas, šeškas, tigras, utėlė, voras, voverė, zubras stumbras*, *žiogas, žiurkė*. Dažniausiai tai būna kitų kalbų sekiniai arba atskirų autorių, pvz., L. Ivinskio, J. A. Pabrėžos, kūrusių lietuvišką botanikos terminiją, naujadarai. Pranešime išsamiau aptariama sudurtinių zoomorfinių fitonimų motyvacija ir daryba. Skiriami du tokių augalų vardų pogrupiai.

1. Determinaciniai pavadinimai. Antruoju tokių pavadinimų sandu dažnai eina augalo genties vardas. Tokių dūrinių (ir sudėtinių vardų) pirmasis sandas dažnai be pejoratyvinės reikšmės turi ir semą ‘netikras’, tai yra žymi, kad denotuojamas objektas yra netikras palyginus jį su pagrindiniu (baziniu) pavadinimu — pastarojo vardas nominacijos procese reikalingas tik dėl augalų išorinio panašumo. Pvz., *arkliarūgštis* ‘tankiažiedė rūgštyne’ (*Rumex confertus*), *blakiažolė* ‘dirvinė čiužutė’ (*Thlaspi arvense*), *šunmėtė* ‘dirvinė mėta’ (*Mentha arvensis*) ir kt.

2. Metaforiniai ir metoniminiai pavadinimai, kai augalui pavadinti perkeliamas visas sudurtinis žodis, pvz., *ožkabarzdis* ‘baltažiedė plukė’ (*Anemone nemorosa*), *vištakojis* ‘paprastoji garšva’ (*Aegopodium podagraria*), *vilkauodegis* ‘švendras’ (*Typha*) ir kt.

Анна Дмитриевна Даугавет (Санкт-Петербург)

«Приёмы» слогаделения в селонских говорах латышского языка

По мнению А. Абеле, «каждый язык обладает не только своей особенной системой звуков, но своими особенными приёмами, в соответствии с которыми из отдельных звуков образуются более крупные фонетические единицы: слоги, фонетические слова и группы слов» [Ābele 1926: 22]. (Другие исследователи в данном случае говорят о просодике⁵.) Одним из таких «приёмов» считается «монофтонгизация гесп. дифтонгизация слогового центра», которую сама А. Абеле отождествляет с типами примыкания. (Точнее, А. Абеле пишет, что «дифтонгический слоговой центр» это то же самое, что «stark geschnittener Akzent» в терминологии Э. Сиверса, т. е. сильное примыкание [Абеле 1924: 25].) «Монофтонгический» тип слога характерен для верхнелатышского диалекта, «дифтонгический» — для нижнелатышских говоров. Верхнелатышскому *lo-pa* или *lo:-pa* ‘лист’, где граница между первым и вторым слогом проходит после гласного, соответствует нижнелатышское *lap-pa* со слоговой границей, традиционно проводимой по согласному.

Работы М. Пойши [Poiša 1985; 1999] показали, что в селонских говорах Видземе одновременно с «монофтонгическим» типом слога реализуется и «дифтонгический», т. е. наряду с формами типа *lo:-pa* возможны формы типа *lop-pa*⁶. Притом здесь наличествует, так сказать, «крайний» вариант «дифтонгического» типа, который в

⁵ Ср. «Просодические средства выступают как разного рода способы организации сегментных единиц в более крупные единства, а также для различения языковых знаков» [Касевич 1977: 47].

⁶ В случае открытого слога продление гласного имеет место не всегда; в селонских говорах также встречаются формы типа *lo-pa*.

нижнелатышских говорах засвидетельствован лишь в ливонском диалекте на территории Видземе. Его особенность заключается в том, что «дифтонгический слоговой центр» с предшествующим гласным образует не только глухой согласный, но и звонкий (а также сонант). Как известно, в среднелатышском диалекте (и в литературном языке) интервокальный звонкий согласный отходит к следующему слогу: *lap-pa* ‘лист’, но *la-ba* ‘хорошая’. В селонских говорах находим не только *vassàls* ‘здоровый’, но и *goddà* ‘год (L. Sg.)’, *pòlloid vòllà* ‘отпустил’. В той же позиции слоговая граница возможна и после гласного: *va:sàls*, *go:dà*, *vo:là*.

Судя по всему, в селонских говорах Видземе «дифтонгизация» и «монофтонгизация» слогового центра представляют собой два равноправных «приёма» слогообразования (слогоделения). Точно так же использованием разных «приёмов» объясняется и различное направление ассимиляции согласных по глухости-звонкости (регрессивная в *odbràuc*, прогрессивная в *òispràuc* ‘уехал’), и различное поведение *v*, *j* (как шумные, подверженные ассимиляции по глухости-звонкости в *òisf'êd* ‘увел’, *tâfs* ‘отец’ и как сонанты в *ä:t'v'êd* ‘привел’, *tâus* ‘отец’). Таким образом, подобные случаи можно определить как просодические варианты, находящиеся в отношениях свободного варьирования. (В отличие от среднелатышского диалекта, где между формами *lap-pa* ‘лист’ и *la-ba* ‘хорошая’ следует констатировать отношения дополнительной дистрибуции.)

Литература

- Абеле 1924 — А. Абеле. К вопросу о слоге. // *Slavia* III, 1924. — С. 1–34.
 Касевич 1977 — В. Б. Касевич. Элементы общей лингвистики. Москва, 1977.
 Ābele 1926 — А. Ābele. Piezīmes par Dundagas izloksnes fonētiku. // *FBR* VI, 1926. — 22.–30. lpp.
 Poiša 1985 — Vidzemes sēliskās izloksnes, 1. Rīga, 1985.
 Poiša 1999 — Vidzemes sēliskās izloksnes, 2. Rīga, 1999.

Анжелика Дубасова (Минск — Санкт-Петербург)

О палатализации и йотации *k*, *g* в латышском литературном языке и в диалектах: условия и ограничения

Прабалт. *kj*, *gj*, так же, как и *k*, *g* перед гласными переднего ряда в латышском языке перешли, главным образом, в *c*, *dz*. Однако условие «перед *j* и гласными переднего ряда» не является абсолютным и достаточным. Рассмотрим основные исключения и ограничения на преобразование *k*, *g* в *c*, *dz* в латышском литературном языке и в диалектах.

1. *k*, *g* перед *j*.

Основное правило: *kj*, *gj* > *c*, *dz* (*caurs*, *rudzi*).

Исключение, имеющее место в латышском литературном языке: позиция перед флексией род. п. ед. ч. существительных *ijō*-основы. В этом случае *kj*, *gj* > *č*, *dž* (*lāča*, *drudža*). Данное правило не действует в части диалектов (земгальские и верхнелатышские говоры), где имеются соответствующие формы с *c*, *dz* (*lāca*). Здесь мы имеем дело со вторичной йотацией: *č*, *dž* < *cj*, *dzj* < *c*, *dz* < *kj*, *gj* (по аналогии с формами на губные). Этот же рефлекс присутствует и во всех формах множественного числа существительных *ijō*-основы, однако существительные *pluralia tantum*, имеющие регулярные рефлексы (как, например, *rudzi*), позволяют сделать вывод, что первоначально аналогия

распространялась только на род. п. единственного числа, а парадигма множественного числа – позднее – выравнивалась уже под влиянием единственного.

Напротив, *kj, gj* в 1 л. ед. ч. прош. вр. глагола в латышском литературном языке закономерно переходят в *c, dz* (*braucu, lūdzu*), в то время как в латгальском, в результате вторичной йотации, *kj, gj > č, dž* (*brauču, lyudžu*).

2. *k, g* перед гласными переднего ряда.

Основное правило: *k, g* + гласный переднего ряда > *c, dz* (*ciets, dzerve*).

Ограничения.

а) *k, g* после *s, z*. Если *k, g* следуют за *s, z*, то:

- в литературном языке *sk, zg > šķ, žģ* (*kušķis, režģis*);
- в большинстве верхнелатышских диалектов *sk, zg > šk, žg* (*škūnis, režģis*). Однако в корнях производных слов в некоторых диалектах по аналогии *sk, zg > sc, dzd* (*drusciņas < druskas, samazdziņas < samazgas*, ср. *ruoka > ruociņa, spruoga > spruodziņa*).

б) *k, g* перед *-i* из *-ai*. В этом случае в литературном языке *k, g* сохраняются (*saki, ilgi*).

с) *k, g* перед *-i* из *-ie* и перед *-ie* (перед глагольными и именными флексиями):

- в литературном языке, наряду с регулярными рефлексам *c, dz* (*teci*), под давлением системы *k, g* могут сохраняться (*pliki, dārgi; plikiem, dārgiem*);
- в восточных диалектах также возможны *c, dz* (*dōrdzi, plicī*).

Таким образом, позиция «перед *-i* из *-ie* и перед *-ie*» выступает в качестве полуограничителя, поскольку она ещё не во всех случаях запрещает переход в *c, dz*. В диалектах, по сравнению с литературным языком, регулярный переход представлен шире.

д) *k* (но не *g*) в диминутивах перед *-i* в ливских говорах Видземе (*akiņč < aka*). Видимо, под влиянием производящего слова.

При отсутствии указанных ограничений, тем не менее, рассматриваемый переход может принять вид:

- в литературном языке: *k, g* + гласный переднего ряда > *ķ, ģ* (*ķert, ģelzis*).

Чаще всего такие исключения обусловлены либо хронологией (относятся к более позднему периоду, когда переход *k, g* + гласный переднего ряда > *c, dz* был уже завершён), либо особыми преобразованиями, требующими отдельного рассмотрения;

- в большей части восточных диалектов: *k, g* + гласный переднего ряда > *ķ, ģ > č, dž* (*čeve, džeiims*). Данный переход сходен с упомянутым выше процессом вторичной йотации.

Приведенные здесь основные исключения из общего правила (*k, g* в сочетании с гласными переднего ряда и *j > c, dz*) в большинстве случаев могут быть объяснены либо действием аналогии, либо дальнейшим развитием процесса, вызвавшим вторичные изменения. Имеющиеся рефлексы позволяют восстановить хронологический ход процессов палатализации и йотации для латышского языка, а именно:

- первый этап: *k, g > ķ, ģ > c, dz* (> *k, g*);
- второй этап: *c, dz* и *k, g > ķ, ģ > c, dz > č, dž*.

Гипернормализмы, как, например, *ķigāni* (в восточных говорах, для которых характерны *č, dž*), могли бы, вероятно, послужить основой для дополнения второго и постулирования следующего, третьего, этапа, то есть:

- первый этап: $k, g > \check{k}, \acute{g} > c, dz (> k, g)$;
- второй этап: c, dz и $k, g > \check{k}, \acute{g} > c, dz > \check{c}, d\check{z} (> \check{k}, \acute{g})$;
- третий этап: $\check{c}, d\check{z} (\dots) > \check{k}, \acute{g} > \dots$

Возникающие в результате различных преобразований и под влиянием аналогии отступления от исходного правила делают невозможным непрерывное развитие рассматриваемых процессов. На определенном этапе процесс на некоторое время останавливается и даже регрессирует, давая в дальнейшем толчок к его возобновлению и продолжению на новом уровне.

Aušra Kaikarytė (Šiauliai)

Daiktavardžių priebalsinio linksniavimo nykimas lietuvių kalbos tarmėse

1. Lietuvių kalbos tarmėse (kaip ir bendrinėje kalboje) priebalsinis kamienas — nestabili, neproduktyvi ir labiausiai apnykusi daiktavardžių fleksinė klasė.

2. Universali linksniavimo tipų raidos tendencija — jų poliarizacija pagal gimines — priebalsinio kamieno daiktavardžius tarmėse yra padalijusi į dvi kaitybos grupes: moteriškąją (turinčią moteriškojo linksniavimo *i* ir stabiliosios *ē* fleksinės klasės galūnių morfemų) ir vyriškąją (turinčią vyriškojo linksniavimo *i* ir stabiliųjų (*i*)*i*ō, ō fleksinių klasių morfologinės kategorijos žymiklių).

3. Priebalsinio kamieno nykimo pradžia siejama su anksti fonetiškai sutapusiomis *i* ir priebalsinio kamieno galininkų galūnėmis (dėl $*\eta > in$). Sutapus galininkų galūnėms, produktyvesnio *i* kamieno fleksija ėmė brautis ir į kitas priebalsinio kamieno linksnių galūnes. Nykstant *i* kamienui į priebalsinį kamieną pateko (*i*)*i*ō, ō, ē daiktavardžių fleksinių klasių galūnių.

4. Lietuvių kalbos tarmėse daugiausia senovinių priebalsinio linksniavimo formų yra išlaikę *n* ir *r* kamiengalių daiktavardžiai. Daugelyje tarmių išlikęs senasis šių daiktavardžių vienaskaitos vardininkas *-uo*, *-ė* iš ide. $*\bar{o}n$, $\bar{o}r$, $\bar{e}r$ (*šuō*, *akmuō*, *sesuō*, *duktē*). Dar pasitaiko tokių senovinių priebalsinių daiktavardžių linksnių formų: vns. kilm. *šunēs*, *akmenēs*, *seserēs*, *dukterēs* (pietų aukštaičiai, rytų aukštaičiai vilniškiai), dgs. vard. *šūnes*, *ākmenes*, *sēseres*, *dūkteres* (pietų aukštaičiai, rytų aukštaičiai vilniškiai, uteniškiai, dalis anykštėnų ir kupiškėnų), dgs. kilm. *šunū*, *akmenū*, *seserū*, *dukterū* (šalia tarmėse pagreičiai pasitaikančių formų su *-ų* po minkštojo priebalsio), vns. naud. *šūnie/šūni*, *ākmenie/ākmeni*, *sēserie/sēseri*, *dūkterie/dūkteri* (*-ie* būdinga žemaičiams, rytiniams lietuvių kalbos ploto pakraščiams; *-i* — pietų aukštaičiams ir artimesniems jų kaimynams, kai kurioms vidurio Lietuvos šnektoms), vns. ir dgs. įng. *vándemi*, *vándemis* ir *vandemìs* (žemaičių šnektos).

5. Taigi esama ir tokių lietuvių kalbos šnektų, kuriose priebalsinis linksniavimas beveik išnykęs. Pavyzdžiui, šiaurinėse — Jonišio, Žagarės — vakarų aukštaičių šiauliškių šnektose vyriškosios giminės žodžiai *piemuō*, *juosmuō*, *mėnuo raumuō*, *ruduō*, *stuomuō*, *vanduō*, *želmuō*... paprastai beturi tik priebalsinę vianaskaitos vardininko galūnę (nors sporadiškai pasitaiko ir *juosmėnīs*, *mė,nėsis*, *rĀu.məns*). Visų kitų linksnių, išskyrus *i*-kamienę vianaskaitos galininko fleksiją, galūnės dažniau jau yra (*i*)*i*ō-kamienės (plg. Jonišio šnektos pavyzdžius: *rĀu.mene* ‘raumenio’, *rĀu.menui*, *rĀu.menš*, *rĀumėni* ‘raumenyje’, *rĀumenėi*, *rĀumenu*, *rĀumenæm*, *rĀumenėis*, *ŕĀumešnuose*). Žodis *akmuō* (*a.kməns/a.kmīns*) yra visai perėjęs į ō-kamieną.

6. Kalbamiēji pakitimai vyko ir vyksta pagal bendrąsias linksniavimo klasių raidos tendencijas: a) nestabilaus priebalsinio linksniavimo tipo perėjimą į kitus kamienus lėmė žodžio galo fonologiniai pakitimai; b) vėliau, susidarius tinkamoms raidos sąlygoms, „turinio“ atžvilgiu vienodos kategorijos buvo suvienodintos (pasak žinomos Wurzelio formulės, „eine Funktion – eine Form“); c) suvienodinimas vyko ir vyksta į nestabiliąsias linksniavimo klases įsivedant superstabilias, mažiau žymėtas gramatines morfemas iš stabiliųjų linksniavimo klasių.

Stephan Kessler (Greifswald)

The concept of Latgalian grammar of Bukšs and Placinskis

My paper deals with a grammar and spelling dictionary for the Latgalian both which were published in one work in German exile in the year 1973 by Miķelis Bukšs and Juris Placinskis (München 1973, ²1973). The grammar was written by Bukšs and the dictionary was compiled by Placinskis. My question to the grammar and the dictionary by Bukšs and Placinskis is: Which concepts did they follow when creating their works? Two aspects of the question have to be examined. First — Bukšs and Placinskis did follow a didactical purpose. Why did they take the trouble to write a grammar and a dictionary? Secondly — Bukšs and Placinskis had to make a standardization, for which they had to select from the abundance of linguistic material, which the various modifications of the Latgalian provide. Do the two authors raise one dialect to be the standard of Latgalian or did they manage the unachievable task to find a middle course doing justice to all dialects of the Latgalian?

We only need to study the preface and the first chapter of the grammar to find answers to the question concerning the didactical concept of the authors. Bukšs wants to raise the standing of Latgalian. For Bukšs Latgalian constitutes a proto-Latvian language pointing at the very beginnings of the development of Latvian. It is certainly not a minor later derivation but a dialect of original importance possessing great antiquity. Furthermore, Bukšs makes a direct connection between the varieties of a language and the existence of tribes of a people so that for him statements about the historical distribution and number of dialects automatically prove a corresponding historical distribution of tribes. For the Latgalian he claims an area of tribal distribution incorporating the dialectical transitional zone and the area of the Selonic dialects. With these arguments he obviously intends to raise the political standing of the Latgalian. His second didactical aim is to make a scientific approach. He states that before the publication of his grammar there were published grammars only by non-Latvian speakers or school grammars of little scientific value. He assumes that he, however, wanted to write a Latgalian grammar in form of a profoundly scientific handbook. What gave him the idea to enter upon such a huge project is more easily to understand if we draw into conclusion that a few years before, in 1966, Alfred Senn's brilliant two-volume handbook for the Lithuanian had been published with a respected company in Germany. With this handbook an absolute expert had set a very high standard. On the one handside Bukšs seems to have taken Senn's book as a model, on the other side he writes that he also wanted to write a popular book for the common reader (p. 15). It seems that he did not see the contradiction.

In order to figure out the standardizing effect and the language policy of the grammar, as well as the concept of linguistic standardization underlying the grammar itself, I have pro-

ceeded as this: I have examined the linguistic material employed by the grammar and compared it to the knowledge of modern dialectology. I have worked on the phonological, morphological, syntactical and lexical level. However, it is so that not all material employed by the grammar is useful to produce evidence. I have looked for such linguistic features, which were liable to prove that Bukšs had interpreted existing dialectical modifications one-sidedly in favour of one particular sub-dialectical variant. As far as my argumentation is concerned I have not been able to find any definite proofs on the morphological and syntactical level.

Predominantly I have focused my attention on phonology. Bukšs himself has given a list of examples for phonetic variants (p. 65 f.). He sees a theoretical difference between northern and southern Latgalian, which, according to Bukšs, has been overlooked by Rūķe-Draviņa. However, his examples are only partly useful because Bukšs does not wholly make clear which areas he is exactly talking about. If we take a look on modern dialectal maps to locate the distribution of the linguistic features cited by him we will find that these features are not distributed according to their quality of belonging either to a northern or a southern dialect but that they are spread irregularly around various regions in Latgalia. This is disadvantageous for Bukšs' argumentation and would be very fine for my own argumentation if there were not another difficulty. Bukšs' analysis is phonologically incorrect anyway because Bukšs sticks too close to orthography. He strictly follows the rules of "official" Latgalian orthography (p. 70). These rules of orthography were laid down by the ministry of education in the years between the wars, exactly in 1929. This means that Bukšs heeds to official rules of orthography neglecting many tiny differences in dialectal pronunciation. However, official orthography gives rules to denote the correct dialectical vowel length. Bukšs gave a more detailed notice to one particular and difficult case, which is the pronunciation of what he calls the "depalatalized *e*". The important point for my argumentation is that in particular endings the open vowel /*e*/ is not open to the same degree in all Latgalian dialects. Second, the differences of vowel length in endings are widely spread in the Latgalian speaking area. The dative plural ending of masculine words on *-s*, which is in standard Latvian *-iem*, serves as a good example. In most areas of Latgalia the ending is shortened to *-im* or *-ym*. Only in particular northern areas it is a long *-īm*. Judging from the declination tables Bukšs gives us (p. 128) we can see that he has favoured the shortened endings, as they are predominant.

Summarizing my analysis I can show you the areas, which served Bukšs as a basis for his standard of Latgalian. It is the phonetics of the central Latgalian area without the major part of the north, without the central Selonik area and without the Rēzekne — Ludza area. The fact that Bukšs has ignored the conditions in the Selonik dialects and in the eastern dialects of the transitional zone is astounding since at the beginning of his grammar Bukšs had claimed the speakers of these dialects also to be descendants of Latgalian tribes and the areas in which they live to be ancient Latgalian territory.

Now I am going to analyse lexical aspects of the Latgalian by taking a look at the dictionary compiled by Placinskis. I proceed in the same way as in my phonological analysis. Again I have in view dialectical modifications and meaningful characteristics in the dialects of the Latgalian and their entry in Placinskis' spelling dictionary. The first of my examples illustrates the distribution of *peldēt* and *maut*. Another case is the distribution of *mācīt* and *vuicīt*. A third case is the distribution of *malku zāģēt* and *malku grīezt*. In these cases Placinskis' selections are more or less tolerant of dialectical variation. At least, for the lexeme *blakus* there exist a lot of regional variants displaying numerous articulatory variations. Placinskis records in this case only one lexical variant: *sūplok*. Considering the quantities of

Placinskis' orthography one can connect *sūplok* to the form *suoplak*, which is cited on the dialectal map. The variant chosen by Placinskis is used only in a very small area. It consists of the dialects spoken around Rēzekne and Ludza, and a little bit to the west. Summarizing my lexical analysis I am able to name those areas on which Placinskis bases his standardization of the Latgalian. He prefers the lexical repertoire of the dialects of central Latgalia and he tends to overlook one or more of the other three dialectal groups, namely those dialects who are situated in the very north of central Latgalia, the dialects of the transitional zone and also the Selonian dialects. If there is little dialectal variation, Placinskis records variants in his dictionary. However, in more complicated cases Placinskis tends to rely on the lexical repertoire used in the Rēzekne — Ludza area.

Concluding my article I can say that my examination has shown that Bukšs' grammar and Placinskis' dictionary together prefer as a basis for standardization the conditions of the southern part of central Latgalia. The treatment of the conditions in the Rēzekne — Ludza area by Bukšs and Placinskis has proved to be very different. Whereas Bukšs does not accept them as a standard, Placinskis chooses them to be the standard when other variants do not have a wider distribution.

Sarma Kļaviņa (Rīga)

Rīgas Latviešu biedrības Zinību komisijas devums latviešu izlokšņu aprakstīšanā

Rīgas Latviešu biedrības Zinību komisija (turpmāk — ZK), kas faktiski darbojās no 1875. līdz 1914. g. un no 1920. līdz 1932. gadam, ir latviešu humanitāro zinātņu, arī valodniecības, šūpulis. Tā izauga nacionālās atmodas laikā un veicināja to. Tā kā latviešu valodai komisija veltīja arvien lielāku uzmanību, 1904. gadā tās ietvaros tika nodibināta īpaša Valodniecības nodaļa, ko līdz savai nāvei 1916. gadā vadīja K. Mīlenbahs, bet vēlāk, līdz 1940. gadam — J. Endzelīns.

ZK plašajā un daudzveidīgajā darbā iesaistījās sava laika inteliģence (skolotāji, studenti, juristi, teologi, mediķi, rakstnieki, mākslinieki), ierēdņi, uzņēmēji, gan profesionāli zinātnieki, gan amatieri. Komisijas biedru skaits dažos periodos sasniedza divus simtus. „Zinību komisijas nopelni Latvijas pētniecībā nav pārvērtējami,“ ir atzinis akadēmiķis Jānis Stradiņš.

ZK uzskatīja — lai sagatavotu latviešu valodas vārdnīcu vai zinātnisku gramatiku, ir pamatīgi jāiepazīst latviešu valodas izlokšnes, un tādēļ 1900. gadā nolēma rīkot izlokšņu pētīšanas „ekskursijas“. Komisijas uzdevumā Vidzemes rietumu izlokšnes 1900. gada vasarā pierakstīja K. Mīlenbahs un tikko slāvistikas studijas Tērbatas universitātē beigušais J. Endzelīns, šo izlokšņu teksti un apraksti 1901. gadā publicēti ZK Rakstu krājumā. 1901. un 1902. gadā abi valodnieki, ZK finansēti, apceļoja arī Kurzemi un Zemgali. Šo ekspedīciju lingvistiskos, etnogrāfiskos un citus novērojumus K. Mīlenbahs ir saistoši izklāstījis rakstu sērijā „Baltijas Vēstnesī“.

ZK Rakstu krājumā savu dzimto izlokšņu aprakstus publicēja: Indriķis Cīrulis — par drustēniešu izlokšni (1911, 1912), Apsīšu Jēkabs — par lizumniešu (1914), Eduards Brencis — par alūksniešu izlokšni (1914), bet Becenbergera žurnālā Jānis Kauliņš — par Sausnējas, Vietalvas un Dzelzavas izlokšni (1887, 1889, 1890).

Maskavas universitātes profesora Filipa Fortunatova un Jēkaba Velmes rosināti, vairāki ZK biedri — J. Peleksis, I. Cīrulis, P. Šmits — jau 90. gados aprakstīja zilbes intonācijas savās dzimtajās izloksnēs, arī J. Endzelīns savā pirmajā zinātniskajā rakstā „Diftongu un garo vokāļu izruna latviešu valodā“, kas publicēts RLB ZK Rakstu krājumā 1897. gadā (rakstam pievienots Valmieras izloksnes vārdu saraksts ar stieptās, lauztās un krītošās intonācijas norādēm). K. Mīlenbahs aicināja pagastos veidot šādus vārdu sarakstus. Indriķa Cīruļa sarakstu (20 lpp.) par izrunu Drustu, Gatartas un Auļukalna pagastos, Dzērbenes draudzē, Fricis Brīvzemnieks 1900. gada oktobrī nosūtīja F. Fortunatovam. Uz tā pamata profesors ir rakstījis latviešu valodai veltīto daļu pētījumā par uzsvāru un garumu (intonāciju — S. K.) baltu valodās (manuskripts — Krievijas ZA arhīva Pēterburgas filiālē).

Kā liecina publikācijas, jau 19. gs. 80. gados ZK biedri ir pievērsušies vietvārdu vākšanai. Pirmais par vietu nosaukumiem Latvijā ir rakstījis skolotājs un literāts Kažoku Dāvis (1885), viņš analizējis sava dzimtā Smiltenes apvidus mājvārdus un aicinājis ZK rūpēties par vietvārdu vākšanu un publicēšanu, norādījis šā darba veikšanas principus. Līdz 1. pasaules karam ir tikuši publicēti: Krustpils draudzes apgabala apdzīvoto vietu nosaukumi (Dreimaņu Kārlis, 1885), Džūkstes-Pienavas māju, muižu, pusmuižu, krogu un dzirnavu nosaukumi (Ansis Lerhs-Puškaitis, 1888), Rumbenieku pagasta (Dobeles apriņķī) vietu nosaukumi, ko savākusi Brīvnieku Liesma, īstajā vārdā Olga Freimane (1888), vietu nosaukumi Jaunjelgavas apkārtnē (anonīms autors, 1888), Kārļa Kasparsona savāktie siguldiešu mājvārdi un citi vietvārdi (1888), kā arī Alūksnes apkaimes vietvārdi (Eduards Brencis, 1911).

Zinātnes atziņu izplatīšanā milzīga nozīme bija ikgadējām ZK vasaras sapulcēm (no 1884), katrā no tām bija vidēji 15 referātu par aktuāliem literatūras, valodas, vēstures, kultūras u. c. jautājumiem. Sapulču darbā piedalījās 500–1000 interesentu, referēja ievērojami zinātnes, izglītības un kultūras darbinieki, priekšsēdētājs sniedza pārskatu par ZK darbību aizvadītajā gadā. Kā lasām protokolos, 1928. gadā Pēteris Šmits ir ziņojis, ka iesākti plaši pētījumi par dialektiem.

Lidija Leikuma (Rīga).

Latgalieši un viņu valoda Krievijā: zināmais un izzināmais

1. Tēzes tapušas, vairāk domājot par pētījamo jautājumu daudzveidību latgaliešu valodas sakarā un Sanktpēterburgas Valsts universitātes 2004. gadā dibināto baltistikas studiju virzienu nekā atsevišķu dialektoloģijas jautājumu problemātiku. Lai pieminam te arī akadēmiķa Vladimira Toporova vārdus, teiktus 2002. gada 4. aprīlī, saņemot Latvijas Zinātņu akadēmijas augstāko apbalvojumu — LZA Lielo medaļu: „...man šķiet, ka starp tiem 5–7 galvenajiem uzdevumiem, kas jārisina baltistikai, viens ir saistīts ar latgaliešu valodas jeb, ja tas jūs šokē, latgaliešu dialekta mācīšanos.“ Mācīšanās šai gadījumā nozīmē arī pētniecību, bet latgalistika (ja tāds termins baltu valodniekiem būtu pieņemams) Latvijā pagaidām balstās uz nedaudzu entuziastu pūlīņiem. Jaunais studiju virziens Sanktpēterburgā varētu sekmēt baltistu saimes pieaugumu arī mazāk pētītās baltistikas jomās.

2. Ar latgaliešiem te atbilstīgi Latvijas zinātnes tradīcijām tiek domāta latviešu etnosa daļa — Latgales latvieši. Ar latgaliešu valodu tiek saprasts Latgales latviešu lietotais idioms [Виноградов 1998], kas būtisku atšķirību dēļ dažādos valodas līmeņos (salīdzinājumā ar

latviešu literāro valodu) nereti saukts par atsevišķu baltu valodu (piem., [Лоя 1946: 224]). 1926. gada Krievijas tautas skaitīšanā iecerotāji (un viņu tiešie pēcteči) no Latvijas reģistrēti pēc viņu bijušās dzīvesvietas, tādējādi nošķirot divus etnosus: latviešus un latgaliešus. Šāds iedalījums saglabājas līdz pat mūsdienām, kad tautība pasēs vairs netiek rādīta. Dokumentus (pases, dzimšanas un karaklausības apliecības, dažādus sarakstus) ar ierakstu „латгалец“ varējām skatīt arī 2004. gada jūlija ekspedīcijā Krasnojarskas apgabalā. Kuri latgalieši tika uzskaitīti kā atsevišķa etnosa pārstāvji un cik viņu tādu Krievijā patlaban, grūti atbildams jautājums. Vispār par latgaliešu valodu Krievijā ir nozīme runāt, sākot ar 19. gs. 1. pusi.

3. Sakarā ar Latgales ilgo vēsturisko nošķirtību no citiem Latvijas novadiem [Leikuma 2003: 1] šai reģionā veidojās savdabīga kultūrvēsturiskā situācija. Piederība cariskajai Krievijai kopš 1772. gada nozīmēja ciešu administratīvo saistību un aktīvus saimnieciskos un kultūras sakarus, kas nevarēja neiespaidot Latgales latviešu valodu. Var teikt, ka visu 19. gs. un 20. gs. sākumu Latgalei ir vairāk kopīga ar austrumu kaimiņiem — Krieviju, bet ne pārējiem Latvijas novadiem. Vēsturiskā konteksta sakarā pētīšanas vērtas būtu tālaika (zemes) īpašnieka un darbaspēka attiecības (burlaki, bobuļi, karavīri arāji; servitūti, valakas, „vycežkas“, šņores; miesti, dzerevņas, foļvorkas, slobodas, zascenki; voiti, „pravļajušcie“, „podrjadčiki“, pisari; bondari, plotnīki, sauči, skrauči, stoleri u. tml.), tāpat kultūras dzīves norises, kurās straujāk vai lēnāk, bet katrā ziņā mērķtiecīgi polisko nomaina krieviskais. Mazpētītas joprojām ir gan pašas attiecības, gan Latgalei raksturīgo historismu, arī etnogrāfismu slānis, kas saistīts ar tām. Kas ir parapeja, varganists, cegaļņa, varētu būt zināms daudziem, bet kas škaplernīks, „devotka“, „soroki“ u. tml.? Ir sagatavota neliela vēsturnieka H. Stroda etnogrāfisko terminu vārdnīciņa [Strods 1991], padaudz informācijas atrodams A. Reķēnas apvidvārdu vārdnīcā [Reķēna 1998], tomēr tas nav pietiekami.

4. Piederība atšķirīgiem Krievijas Tautas apgaismošanas ministrijas 1802. gadā iedibinātajiem mācību apgabaliem noteikusi daudzas atšķirības Latvijas novadu izglītības sistēmā. Līdz pat 1919. gada 8. decembrim, kad pieņemts likums par Latvijas Republikas izglītības iestādēm, skološanās Latgalē ir bijusi iespējama galvenokārt krievu valodā. Kā kārtojusies šejienes skolu sistēma (lauku skolas, baznīcas skolas, tautskolas, pirmskolas, pilsētas skolas, reālskolas), kas bijuši zemnieku bērnu izglītotāji (Polockas skolotāju semināra beidzēji (bet vēl?), „direktorkas“, „mātes skola pie ratiņa“), no kādiem avotiem skolojušies (grāmatas krievu skolām, rakstījumi kirilicā, latgaliskie tulkojumi, agrāku avotu pārrakstījumi, grāmatas latgaliski) — vēl aizvien ir pētījami jautājumi. Arī par drukas aizlieguma laika norisēm Latgalē daudz kas vēl nav zināms, F. Kemps to datē ar 1971.–1904. gadu [Kemps 1910: 58–59]. No grāmatu kontrabandistiem pazīstams tikai Zelika Garneca vārds... Ka cauri garajiem pārkrievošanas laikiem Latgales latvieši ir spējuši kopt gara dzīvi un noturēt latvietību, lieli nopelni ir viņu rakstu tradīcijai — tāds bijis profesores Martas Rudzītes atzinums [Rudzīte 1998: 59], bet jāatzīst arī, ka latgaliešu rakstu pieminekļi Latvijā vēl aizvien ir pētīti fragmentāri un visi nav pat apzināti.

5. Tieši ar Pēterburgu saistīti daudzi svarīgi Krievijas rietumu nomaļu etniskās kultūras izpētes pasākumi, ko organizēja Krievu Ģeogrāfijas biedrības Etnogrāfijas nodaļa. Tās rosināts, folkloras un etnogrāfijas materiālu vākšanai Latgalē vairākas ekspedīcijas (1882., 1884. un 1885. gadā) veica Pēterburgas universitātes privātdocents Eduards Volters. Savukārt jau E. Voltera mudināti, vērtīgus materiālus viņam vēlāk iesūta bijušie palīgi. No visa bagātīgā vākuma un iecerētajām divām grāmatām publicēta viena. Citi savāktie materiāli savus pētniekus gaida Sanktpēterburgas Zinātņu akadēmijas arhīvā, kur glabājas E. Voltera fondā [Infantjevs 1997]. Jāpiebilst, ka publicētā grāmata [Вольтеръ 1890] ir vērtīga ne tikai

etnogrāfisko ieražu un aprakstu dēļ, tā varētu tikt izmantota arī salīdzinošam pētījumam par E. Voltera sniegto tautasdziesmu tulkojumu kvalitāti.

6. Pēterpilij, kā latviešu avotos parasti dēvēta Pēterburga, 19. gs. beigu un 20. gs. sākuma Latgales latviešu garīgajā atmodā ir īpaša loma (visizvērstāk par to [Bukšs, 1976]). Augošā pilsēta Ņevas krastos ar ērto pieeju Pēterpils-Varšavas dzelzceļa līnijas dēļ kļūst par peļņas un izglītošanās vietu simtiem latgaliešu. Tā ir īsts Latgales latviešu nacionālo ideju dzimšanas un realizācijas šūpulis un centrs ar Sv. Katres baznīcu un progimnāziju pie tās, sv. Staņislava baznīcu un tās skolu, citām izglītības iestādēm. Kopš 1879. gada Pēterpilī darbojas katoļu garīgais seminārs, kurā izaug vesela Latgales kultūras darbinieku plejāde. Citi beidz vēl Pēterpils garīgo akadēmiju, kļūstot par teoloģijas maģistriem. Liela daļa absolventu darbojas arī rakstniecībā. Pēterpilī izglītojušies ne tikai topošie mācītāji, bet arī vēsturniece V. Seile, civilinženieris F. Kemps, ārsts O. Skrinda un virkne citu. Šeit veidojušās pirmās latgaliešu sabiedriskās organizācijas („Pēterburgas latviešu muzikāliskā sabiedrība“ (1903–1913), jaunatnes pulciņš „Gunkurs“, kultūras biedrība „Gaisma“), izveidojušies latgaliešu periodika („Zvaigzne“, „Gaisma“, „Sākla“, „Auseklis“ (1906–1907) u. c.) u. tml. [Leikuma 2003: 1]. Negribas ticēt, ka neviens no žandarmu konfiscētajiem 1903. gada avīzes „Zvaigzne“ 100 numuriem līdz mūsdienām tā arī nav saglabājies. Neizzināta ir „pēterburdziešu“ saistība ar Helsinkiem drukas aizlieguma noteikumu apiešanai. Pēterpilī meklējams arī latgaliešu ortogrāfijas jautājumu risināšanas sākums, šeit top O. Skrindas gramatika, tāpat F. Trasuna „Skolas Dorzs“. Abos izdevumos iestrādātas vērā ņemamas ziņas par latviešu izloksnēm. Kaut gadsimtu mijas Pēterpils atainota daudzu Latgales literātu darbos [Rupaiņš 1963; Laurinoviča-Pronevska 1964; Grišāns 1968 u. c.], vidusmēra lasītājam par to maz kas zināms. Tikai fragmentāri ir ziņu apkopojumi par semināristiem no Latgales, viņu sadarbību ar tālaika leišu semināristiem, savstarpēju saraksti u. tml. Maz zināmi ir gadsimtu mijas „pēterburdziešu“ tālākie likteņi, viņu īpatsvars latviešu kultūras procesos vēlākajā padomju Krievijā.

7. Mazpazīstami ir latgaliešu kultūras darbinieku nopelni padomju Krievijā, kur 20. gs. 20. un 30. gados notiek aktīva latgaliešu sākumskolu un t. s. nepilno vidusskolu dibināšana, skolu mācību grāmatu sagatavošana, latgaliešu pareizrakstības izkopšana. Darbinieku pulkā ir V. Daškeviča, J. Silinīks, A. Eisuļs, literāti A. Mežule (Alba), I. Kūkojs, O. Začests (Začs). Krievijā iznākušo latgaliešu autoru daiļdarbu (oriģināldarbu un tulkojumu) valoda praktiski nav vērtēta, tāpat kā gandrīz nav analizētas Krievijā izdotās mācību grāmatas, kurās netrūkst metodisku un didaktisku veismju, dzīvas un dabiskas valodas paraugu. Arī Krievijā gatavotajiem izdevumiem ir bijis savs dialektālais pamats. Tā lasāmās grāmatas „Dorbs“ [Dorbs 1926] tulkotāju A. Eisuļa un V. Daškevičas priekšvārdos atrodams, ka tulkojums ticis pārstrādāts Rēzeknē (15 verstu no Tomskas), un par piedalīšanos rēzekniešiem tiek izteikta sirsnīga pateicība. Latgaliešu pareizrakstības nosacījumi Krievijā pieņemti 1934. gadā [Lāmumi 1934]. Tiešas saiknes ar 1929. gada latgaliešu pareizrakstības noteikumiem Latvijā nav, jo vairāki jautājumi risināti atšķirīgi (*skols — skoly — skolym; styklŷs, gudrys, rasnys; puče — puči — pučeite; septeini, ostoini, deveini; jis, jei — jimūs, jimōs*). Arī šeit tāpat kā Latvijā diemžēl izlemts nešķirt *e, ē* rakstību tādos vārdos kā *perekļis, pērts, pele, nese, mes*. Maz pētīta ir Krievijas latgaliešu valoda mūsdienās, kaut, kā apliecināja 2004. gada ekspedīcija, daudzās Sibīrijas sādžās iedzīvotāji joprojām runā latgaliski un pēc viņu runas aizvien vēl var pateikt, no kuras Latgales vietas ir ieceļojuši viņu senči pirms nu jau kādiem 100 gadiem. Krievijas latgaliešu valodas izpēte — plašs darbalauks jauniem filologu spēkiem!

Literatūra

- Виноградов 1998 — В. А. Виноградов. Идиом // Большой энциклопедический словарь. Языкознание. Москва, 1998.
- Вольтеръ 1890 — Э. А. Вольтеръ. Материалы для этнографии латышского племени Витебской губернии. Санктпетербургъ, 1890.
- Лоя 1946 — Я. В. Лоя. Латышско-русский словарь. Москва, 1946.
- Bukšs 1976 — M. Bukšs. Latgaļu atmūda. [Minchene], 1976.
- Dorbs 1926 — Dorbs. Losoma gromota latgališu skolom I un II skolas godam. Maskava, 1926.
- Grišāns 1968 — J. Grišāns. Pa atmiņu stygom. I. [Minchene], 1968.
- Infantjevs 1997 — B. Infantjevs. Eduarda Voltera latgaliešu tautasdziesmu krājums // LZA Vēstis. A. 1997, 51. sēj., 1./2. nr. — 16.–21. lpp.
- Kemps 1910 — F. Kemps. Latgalieši. Rīga, 1910.
- Lāmumi 1934 — Latgališu ortografijas apspriedes lāmumi // Ceļas Karūgs. 1934, nr. 5. — 37.–40. lpp.
- Laurinoviča-Pronevska 1964 — H. Laurinoviča-Pronevska. Grymstušos saleņas. [Minchene], 1964.
- Leikuma 2003 — L. Leikuma. Latgališu volūda 1. Intensīvā mācību kursa materiāli. Sanktpēterburga, 2003.
- Reķēna 1998 — A. Reķēna. Kalupes izloknes vārdnīca. I–II. Rīga, 1998.
- Rudzīte 1998 — M. Rudzīte. Otrā latviešu rakstu tradīcija // Latviešu valoda 10.–12. klasei. Rīga, 1998. — 55.–59. lpp.
- Rupaiņš 1963 — O. Rupaiņš. Tauta grib dzīvot. [Minchene], 1963.
- Strods 1991 — H. Strods. Latgales etnogrāfisko terminu skaidrojums. Mācību līdzeklis. Rīga, 1991.

Asta Leskauskaitė (Vilnius)

Priebalsiņ s, z ir š, ž distribucija kai kuriose pietinēse lietuvij šnektose

Dialektologijos darbuose priebalsiņ š, ž ir s, z neskyrimas aprašomas nuo XX a. pradžios. Pirmasis šį reiškinį pastebėjo E. Volteris [Вольтер 1912: 151–160]. Vėliau jo paplitimu ir kilme domėjosi J. Otrėbskis [1958: 352–353], J. Dovydaitis [1968: 207–210; 1978: 103–107], Z. Zinkevičius [1966: 147], Ž. Urbanavičiūtė [1976: 20–23] ir kiti tyrėjai.

Paplitimo arealas. Iš pradžių manyta, kad s, z vietoje š, ž ir š, ž vietoje s, z vartojami gana nemažame pietinių aukštaičių plote, žemiau linijos Punksas — Lazdijai — Kapčiamiestis — Švendubrė — Kabeliai — Dubičiai — Dieveniškės [Otrėbski, 1958: 352–353]. Tačiau vėliau nustatyta, kad ryškesnių ir blankesnių reiškinio pėdsakų galima rasti vos vienoje kitoje vietoje: apie Musteiką, Pelesą, Dieveniškės, Zietelą, Lazūnus ir kitur. Pastarųjų metų duomenys rodo jį buvus ir apie Miluciškę [Markevičienė 1999: 30, 196–197], Kapčiamiestį. Ligi šiol ši fonetinė ypatybė geriausiai buvo išlaikyta Ašašninkų kaime (Varėnos rajonas).

Iš 2004 m. Lietuvių kalbos instituto dialektologų užrašytų Ašašninkų šnektos tekstų matyti, kad reiškinys yra gyvas ir šiandien, tačiau jį išlaikiusių žmonių palaipsniui vis mažėja. Iš šios vietovės kilę gretimų kaimų gyventojai s, z vietoje š, ž vartoja tik retkarčiais arba visiškai netaria. Kitur pietinių aukštaičių plote pastaraisiais metais aptariamoms fonetinės ypatybės atvejų rodos, neužfiksuota.

Distribucija. Paanalizavus apie 1500 iš įvairių šaltinių ir garso įrašų išrinktų pavyzdžių, paaiškėjo, kad priebalsiai s, z vietoje š, ž tariaimi įvairiose pozicijose:

1) prieš balsį *i* ir juo prasidedančius dvigarsius, pvz.: *situ* ‘šita’, *susi, la* ‘sušyla’, *sienu, šienų*, *si, lži, tu* ‘šildytų’, *grazi* ‘graži’, *zi, du* ‘žyda’, *ziemini* ‘žiemine’;

2) prieš balsį *a* ir juo prasidedančius dvigarsius, pvz.: *surisa* ‘suriša’, *sauke* ‘šaukia’, *saima* ‘šeima’, *sa, ltas* ‘šaltas’, *parveza* ‘parveža’, *za, m³, s* ‘žemės’, *a, zaras* ‘ežeras’, *r³, žai* ‘rėžiai’, *mazai* ‘mažai’;

3) prieš balsį *o*, pvz.: *suris0.m* ‘surišome’, *s0,ka* ‘šoka’, *sas0,lika* ‘šešiolika’, *sulauzùm* ‘sulaužome’, *zùgai* ‘žiogai’, *mazùs* ‘mažos’;

4) prieš balsį *u* ir juo prasidedančius dvigarsius, pvz.: *suku.* ‘šukų’, *sumÀi.s³*. ‘sumaišė’, *sulnin* ‘į šulinį’, *liezuvis* ‘liežuvis’, *zu,sinas* ‘žąsinas’, *vazúosi* ‘važiuosi’;

5) prieš ³, pvz.: *ismus³* ‘išmušė’, *pasruos³*. ‘pasiruošė’, *panes^{3,l}* ‘panešėjo’, *daz³* ‘dažė’, *nula,uz³*. ‘nulaužė’, *uzvū.z³*. ‘užvožė’;

6) prieš kietąjį priebalsį arba pauzę, pvz.: *misku,* ‘mišką’, *nesvarus* ‘nešvarus’, *astuonis* ‘aštuonis’, *iskapù,je* ‘iškapoja’, *as* ‘aš’, *mazau* ‘mažiau’, *izdusù.* ‘išduso’, *izganau* ‘išganiau’, *izdalina* ‘įždalina’;

7) prieš minkštąjį priebalsį, pvz.: *sviestu,s* ‘šviestųsi’, *miskinu.* ‘miškinių’, *kiski.* ‘kiškį’, *zvejĖi.* ‘žvejai’, *uzvercæ* ‘užverčia’.

Analogiškose pozicijose vartojami ir priebalsiai *š, ž* vietoje *s, z*, tačiau palyginti retai.

Kilmė. Priebalsių *š, ž* ir *s, z* neskyrimas laikomas senu reiškiniu. Jį, kaip spėjama atsižvelgiant į geografinį paplitimą, pietinės lietuvių šnekτος greičiausiai bus paveldėjusios iš išnykusių vakarų baltų genčių, turėjusių *s, z < š, ž < ide.* **k, *g* (žr. [Otrębski 1958: 352–353; Dovydaitis 1978: 104–107; Zinkevičius 1966: 147; 1980: 130; 2002: 20, 51, 59, 74, 93–94; Vidugiris 2004: 102–103] ir kitur).

Literatūra

Вольтер 1912 — Э. А. Вольтер. Следы древних прусов и их языка в Гродненской губернии // Известия отделения русского языка и словесности Императорской Академии Наук. Санкт-Петербург, 1912. Т. 16 (4). — с. 151–160.

Dovidaitis 1968 — J. Dovydaitis. Priebalsiai *d, t* bei *k, g* Dieveniškėse ir kitose vietose. // Dieveniškės / Ats. red. V. Milius. Vilnius: Vaga, 1968. — p. 207–210.

Dovidaitis 1978 — J. Dovydaitis. Priebalsiai *d% t%ir g% k%*pietu Lietuvoje. // Kalbotyra, 1978, 29 (1). — p. 103–107.

Markevičienė 1999 — Ž. Markevičienė. Aukštaičių tarmių tekstai. I dalis. Vilnius: Vilniaus universiteto leidykla, 1999.

Otrębski 1958 — J. Otrębski. Gramatyka języka litewskiego. Tom 1. Warszawa: Państwowe wydawnictwo naukowe, 1958.

Urbanavičiūtė 1976 — Ž. Urbanavičiūtė. Ašašnikų šnekta // Mūsų kalba, 1976, 6. — p. 20–23.

Vidugiris 2004 — A. Vidugiris. Zietelos lietuvių šnekta, Vilnius: Presvika, 2004.

Zinkevičius 1966 — Z. Zinkevičius. Lietuvių dialektologija. Vilnius: Mintis, 1966.

Zinkevičius 1980 — Z. Zinkevičius. Lietuvių kalbos istorinė gramatika. I tomas. Vilnius: Mokslas, 1980.

Zinkevičius 2002 — Z. Zinkevičius. Rinkiniai raštai. Vilnius: Lietuvių Katalikų Mokslo Akademija, 2002.

Danguolė Mikulėnienė (Vilnius)

Dėl akcentinių ir morfologinių Dieveniškų šnekτος daiktavardžių variantų („Dieveniškų šnekτος žodyno“ pagrindu)

Dieveniškų iškišulys, dabartiniame Lietuvos žemėlapyje primenantis pusiasalį, yra seniau buvusio daug didesnio ir vientiso lietuvių etnografinio ploto dalis. Senesniais laikais Dieveniškų šnekta negalėjo labai skirtis nuo toli pietryčiuose likusios lietuviškos Lazūnų „salos“ ar į pietvakarius nuo Dieveniškų kiek nutolusios Varenavo lietuviškos šnekτος.

Gal todėl ši unikali, iki mūsų dienų išlikusi lietuvių šnekta taip domino visų laikų kalbininkus: 1886 ir 1893 m. čia rinko medžiagą Sankt Petburgo universiteto privatdocentas Eduardas Volteris, 1906 m. — Jonas Jablonskis ir Kazimieras Būga, 1929–1930 m. — estų kalbininkas Peteris Arumaa. 1936 m. Dieveniškų šnekτος duomenis paskelbė Ernstas Fraen-

kelis, dar po trijų dešimtmečių pasirodė Aloyzo Vidugirio ir Janinos Lipskienės aprašas, kuriame aptarti svarbiausi šios šnekos fonetikos ir morfologijos bruožai. 1997 m. Lietuvių kalbos institutas išleido Danguolės Mikulėnienės ir Kazimiero Morkūno tarminių tekstų rinkinį „Dieveniškių šnekos tekstai“. Šiuo metu spaudai rengiamas išsamusis „Dieveniškių šnekos žodynas“ (autoriai — K. Morkūnas, A. Vidugiris, L. Grumadienė, D. Mikulėnienė). Čia mokslo reikmėms tiksliausiai stengiamasi pateikti visą, net Volterio ar Arumos užrašytą leksiką.

Kaip pakraštinė, Dieveniškių šnekta yra specifinė. Vietos gyventojai lietuviai, be gimtosios šnekos, dar tebekalba gudiškai, lenkiškai ir neretai rusiškai. Daugelis dabar yra tikri dvikalbiai ar daugiakalbiai. Dėl įsigalėjusios gudų kalbos lietuvių kalba daug kur buvo primiršta, todėl šnektoje gausu okazionalizmų, netaisyklingos tarties atvejų.

Pranešime, aptariant svarbesnias šnekos ypatybes, daugiausia orientuojamasi į išlaikytus senesnius, lietuvių kalbos istorijai reikšmingus faktus — pavyzdžiui,

1) į kai kurių daiktavardžių giminės įvairavimą, plg.: *karas* : *kara*, *kreklas* : *krekla* ‘gegnė’, *sparnas* : *sparna*, *šilas* : *šila*, *šypas* : *šypa* ‘medžio atskala, šakalys’...;

2) į vietoj įprastų bendrinėje kalboje daugiskaitos formų pavartojamas vienaskaitos formas, plg.: *persistovėj jau javas*; *čia ir medžias* ‘miškas’, *ir malka*; *cia miežis*, *bul’ba neaug*; *bus ir miežiuko*, *ir rugelio*; *varpa rassipūtė*, *grūdas byra*...;

3) į skirtingų kamienų variantus, plg. *gīlas*, -à (4) ir *gilūs*, -i...;

4) į šnektoje užrašytus kirčiavimo variantus, susijusius su skaičiaus ir giminės kategorijomis, plg.: *liepas* sm. (1), *liėpas* (4) ir *liepa* (1); *gipsà* (4) ir *gīpsas* (2)...

Taip pat senuosius atvejus bandoma atskirti nuo naujųjų reiškinių, atsiradusių dėl lietuvių ir slavų kalbų interferencijos.

Юрий Владимирович Откупщиков (Санкт-Петербург)

Диалектный материал и балто-славянские лексические изоглоссы

Для выяснения генетических связей между балтийскими и славянскими языками очень важным представляется анализ балто-славянских лексических изоглосс. Кажется, первый достаточно обширный их список представил Я. Эндзелин (1911). Ещё более подробный перечень этих изоглосс содержит словарь Р. Траутмана (1923). Этот словарь неоднократно подвергался серьёзной критике, в частности — за очень слабое привлечение диалектного материала. Но, несмотря на то, что после выхода в свет словаря Р. Траутмана прошло более 80 лет, в течение которых появились многочисленные этимологические и диалектные словари славянских и балтийских языков, этот словарь — при всех его серьёзных недостатках, продолжает занимать видное место в работах, связанных с балто-славянской проблемой. М. Фасмер в своем этимологическом словаре русского языка многие балто-славянские соответствия даёт по словарю Р. Траутмана. Ф. Славский (1970), обратившись к анализу балто-славянских языковых отношений, оперировал материалом всё того же словаря Р. Траутмана.

За последние 30 лет автором настоящего доклада собрана обширная картотека балто-славянских лексических изоглосс. В отличие от словаря Р. Траутмана из этой картотеки исключены все те случаи, где та или иная лексема засвидетельствована только в балтийских или только в славянских языках. Немало таких примеров Р. Траут-

ман включил в свой словарь. Кроме того, если для этимологического словаря достаточно в качестве соответствий, например, для рус. *сухой* привести лит. *saũsas*, лтш. *sàuss*, др.-греч. *αῦος* (*αῦος*) и др., то о генетических связях между названными языками приведенные изоглоссы мало что говорят. О большей или меньшей близости сопоставляемых языков свидетельствуют не эти элементарные соответствия, а наличие большего или меньшего количества идентичных в словообразовательном отношении производных. Так, для славянского и древнегреческого языков можно привести, кажется, только один такого рода пример: др.-рус. *соухона* ‘сухость, жар’ — др.-греч. *αῦονή* (-η < -ᾱ) ‘сухость, засуха’. В то же время, в балто-славянском ареале мы встречаем целый «букет» подобного рода изоглосс: *сушь* — *saũsis*⁷ ‘сухая пора’, *сухомá* — *sausatà* ‘сухость’, *сухмéнь* — *sausmenà* ‘сухое место’, *сушить* — *saũsyti* ‘сушить’, блр. *сушэць* — *sauséti* ‘высыхать’, *сушинá* — *sausienà* ‘сухость’ и др. Всего более 15 примеров, включая словосложения типа *сухovej* — *saũsvéjis*, др.-рус. *соухороукии* (ср. фамилию *Сухоруч(енков)*) — *sausarañkis*. Поскольку, как это убедительно показал В. В. Мартынов (1973), система балтийских и славянских словообразовательных моделей почти идентична, примеры, подобные производным прилагательного *saũsas* / *соухъ*, будут убедительно свидетельствовать об исключительной генетической близости балтийских и славянских языков. Где ещё у языков, относящихся к разным языковым семьям, можно обнаружить такое обилие цельнолексемных изоглосс с совершенно прозрачной этимологией? Ниже из своей весьма обширной картотеки приведу без комментариев несколько выборочных примеров, в основном, базирующихся на диалектной лексике.

Глаголы: *valýti* = *валить* в значении ‘жать (хлеб)’; *dvasiúoti* = *двóхать* (псковск) ‘тяжело дышать’; *dũilinti* ‘медленно идти, плестись’ — *дылять* (симбирск., пензенск.) ‘ходить, ковылять’; лтш. *žaiunát* ‘быстро и много есть’ — *жу́нуть* (новгор.) ‘есть, жевать’; *žárdyti* = *зорóдить* ‘вешать на прясла для просушки’; лтш. *žūrét* = *зýрить* ‘много пить; мочиться; лить’; *eidýti* ‘ходить’ = *идúти, идúть* (во многих русских диалектах); лтш. *kaĩsat* = *кóмсать* (смол.) ‘быстро и жадно есть’; *katáryties* ‘драться’ — *котóриться* (вологодск.) ‘ссориться’; лтш. *kaĩkát* ‘выть, кричать’, лит. *kaĩkti* ‘выть, плакать’ = *кúкать* ‘кричать, плакать’; *laktiúoti* = *лактáть* ‘лакать’; лтш. *mãnít* = *мáнить* (арханг.) ‘обманывать’; лтш. *mẽrét* = *мереть* (в целом ряде диалектов) ‘голодать’; *maũlyti* ‘докучливо просить, клянчить’ = *мúлить* ‘выпрашивать, попрошайничать’; *maũlinti* = *мулúть* (владимирск.) ‘обманывать’; лтш. *stibát* = *стебáть* ‘стегать, хлестать’; *stibinát* ‘быстро идти маленькими шагами’ — *стебенúть* ‘частить, мельчить; идти, бежать скорой походкой’.

Имена (существительные, прилагательные): *valgà* ‘еда, пища’ — *волóга* ‘жидкая пища’; *dãbas* ‘красота’ — *доб-парень* ‘красивый парень’, ср. по типу образования *жар-птица, девица-краса* и др.; *drãkas* ‘беснование’ — *дрок* ‘неистовство, приступы бешенства у скота’ (донск.); *drabnà, drebnà* — *дребня* (рязанск., владимирск.) ‘дождь со снегом’; *édokas* — *едáк* ‘кто много ест’ (тульск., орловск., курск., смол. и др.); *édamas* — *едóмый* (во многих диалектах) ‘съедобный’; *émis* ‘взимание’ — *емь* (рязанск.) ‘подать, пошлина’; *gývastis* = *живость* ‘жизнь’⁸; лтш. *kamsa* = *комсá* (в словарях диалект не указан) ‘кусочек’; *lãmas, lamãtas* = *лом, ломóт* ‘кусочек (хлеба, мяса)’; *lénké* = *ляк* (новосиб.) ‘сырое место, болото’; др.-прусс. *metis*, лит. *métis* — *меть* ‘бросок, метание’; лтш. *pezinãms*, лит. *pežinomas* — *незнамый*; *rugiena* ‘поле под рожью’ — *ржúна*

⁷ Здесь и далее: без ссылки «лтш.» или «др.-прусс.» даются литовские примеры.

⁸ Балто-славянский суффикс *-ast(is) / -ost(ь)* имеет ближайшие соответствия в хеттском языке.

‘озимая рожь’; *skrabùs* = *скробкий* ‘хрупкий, ломкий’⁹; *smõgos* (мн. число) — *смага* ‘сухость губ, налёт на губах’; *sántakas* = *суток* ‘слияние двух рек’; *siautéila* ‘шалун, баловник, шалопай’ — *шутила*.

Особая близость балтийских и славянских языков создает немало трудностей, в частности, при разграничении исконной лексики и заимствований из балтийских языков в славянские и в обратном направлении. О критериях разграничения исконной и заимствованной лексики я уже выступал с докладом на наших чтениях в марте 2002-го года. Так, например, рус. диал. *кóмсать* не может быть балтизмом хотя бы уже потому, что соответствие этому глаголу имеется в сербском языке (*кóмсамти*). С другой стороны, лит. *siautéila* не может быть славизмом по фонетическим причинам.

В приведённых выше примерах отсутствуют ссылки на западно- и южнославянские языки, ибо это — тема для отдельного исследования. Разумеется, в моей картотеке собраны материалы также и по этим языкам. Причём нужно подчеркнуть, что если западнославянские языки в этом плане уже дали немало материала, особенно в отношении балтизмов в диалектах польского языка, то диалектная лексика южнославянских языков, наряду с уже отмеченными изоглоссами, по всей видимости, таит в себе немало сюрпризов для тех исследователей, которые вплотную займутся её изучением.

Литература

Мартынов 1973 — В. В. Мартынов. Праславянская и балто-славянская суффиксальная деривация имен. Минск, 1973.

Откупщиков 2001 — Ю. В. Откупщиков. Балтийские и славянские прилагательные с *-и*-основой // Ю. В. Откупщиков. *Opera philologica minora*. СПб., 2001. С. 346–361.

Эндзелин 1911 — И. Эндзелин. Славяно-балтийские этюды. Харьков, 1911.

Slawski 1970 — F. Slawski. Lexikalische Neuerungen im Baltisch-Slavischen // *Donum Balticum*. Stockholm, 1970.

Trautmann 1923 — R. Trautmann. Baltisch-slavisches Wörterbuch. Göttingen, 1923.

Anna Stafecka (Rīga)

Lejas Bulānas latviešu valodas dialektālais pamats

Lejas Bulāna — latviešu ciems Sibīrijā — atrodas Krasnojarskas apgabala dienvidu daļā. Tā ir bijusi un arī mūsdienās joprojām ir lielākā latviešu kolonija Sibīrijā. Lejas Bulāna dibināta 1858. gadā — pēc krievu valdības rīkojuma visus uz Austrumsibīriju par dažādiem pārkāpumiem izsūtītos luterāņus noņemtināt Jeņisejas guberņas Minusinskas apriņķī. Lejas Bulānas latviešu senči vairumā gadījumu ir Rīgas un Kurzemes iedzīvotāji. Vēlāk uz Lejas Bulānu labprātīgi labākas dzīves meklējumos aizbraukušas apmēram 30 ģimenes no Valmieras apriņķa Vidzemē (galvenokārt no Dikļu pagasta).

Kaut gan gadu desmitu gaitā Lejas Bulānā ir izveidojusies sava kopvalodas forma, t. s. virsdialektālais variants, tomēr saglabātas arī atsevišķas senču novada valodas īpatnības fonētikā, morfoloģijā, kā arī leksikā un sintaksē.

Lejas Bulānas latviešu valodas fonētiskā sistēma acīmredzami tuvāka Kurzemes un Vidzemes lībisko izlokšņu fonētiskajai sistēmai. Tajā novērots:

⁹ Свыше ста литовских прилагательных с *и*-основой имеют в славянских языках соответствия с суффиксом *-ьк(ъ)*, тип: *glodùs* — *гладъкъ*, *édùs* — *ѣдъкъ* и мн. др. (см. Откупщиков 2001).

- lauztās un stieptās intonācijas lietojums, kaut gan intonācijas bieži ir nivelējušās;
- patskaņu garumu un divskaņu saīsinājums priedēkļos un salikteņu pirmajā daļā (*nopuostīt* < *nuopuostīt*, *nepegāj*, < *nepiegāja*, *šonakt* < *šunakt*);
- gala zilbju patskaņu zudums (*maīz's statiņ* 'labības statiņi');
- īsu patskaņu pagarinājums balsīgu līdzskaņu priekšā, ja aiz tiem zudis patskanis vai divskanis (*dāb* < *daba*, *gād* < *gadu*);
- *v* zudums skaņu kopā *-rv-* (*purs* < *purvs*);
- *r* zudums vairāku līdzskaņu grupā (*mazbēn* < *mazbēni*, *bēzi* < *bēzi* (raksturīgs arī dažām Vidzemes vidus izloksnēm);
- *ę* skaņa *a* vietā blakus *r*, *n*, kas sastopama daļēji arī Vidzemes vidus izloksnēs (*ņęgla*, *Ęrns* < *Arnis*);
- patskaņu pagarinājums tautosillabiska *r* priekšā (*dārps* 'darbs', *zīrks* 'zirgs'), kas sastopams Kurzemes lībiskajās un vidus izloksnēs.

1993. gada ekspedīcijā vairāku vecākās paaudzes informantu runā tika konstatēts *r* lietojums, bet 2004. gadā tas vairs netika reģistrēts.

Raksturīgākās morfoloģiskās īpatnības:

- vīriešu dzimtes lietojums sieviešu dzimtes vietā (*viņč* [vīsta] *dēi*, *pura viēt te i biis*, *Loñnis* 'Lonija', *Emīls* 'Emīlija');
- adjektīvu pārākās pakāpes ar prievārdu *uz* (*uz viēn gād jaūnāks*, *labāks uz līņ's*), kas sastopams Vidzemes lībiskajās un dažās Vidzemes vidus izloksnēs;
- verbu 3. personas formu vispārinājums arī 1. un 2. personas vietā abos skaitļos (*es nav biis*, *tā mēs te dzīvuō*, *jūs iēt garam*), taču konstatētas arī daudzskaitļa 1. personas formas (*mēs*) *iētam* (*mēs aiziētam uz kapiēm*), kas Latvijā sastopamas Ziemeļvidzemē un Ziemeļkurzemē, un *iram* (*mēs iram saglabāš*);
- vēlējuma izteiksmes dsk. 1. personas formas ar *-tam* (*kur tad mēs paliktam*, *ja valsts nemaksāt(u)*), kas raksturīgas Kurzemes vidus izloksnēm, un atstāstījuma paveids ar *-tuot* (*vīņ būtuōt* 'viņa būtu');
- ar akuzatīva nozīmi lietotās ģenitīva formas aiz prepozīcijām (*par tās vēcmāt's pastāst'*, ar *Añn's*).

Lejas Bulānas latviešu leksikā konstatēti īpatnēji vārdi, kuriem ir sastopamas atbilstes mūsdienu latviešu valodas dialektos un kas liecina par Lejas Bulānas latviešu izcelsmi. Reģistrēti vairāki Kurzemes izloksnēm raksturīgie vārdi kā, piemēram, *stulbs* 'akls', *knausis* 'ods', *sudmalas* 'dzirnavas', *dziesmas* 'garīgās dziesmas', *ziņģes* 'laicīgās dziesmas'. Savukārt galvenokārt Vidzemē izplatīti vārdi ir, piemēram, *paskaņi* 'kaņepju vīrišķie augi', *putrinieks* 'ķirbis', *karpelis* 'kartupelis').

Lejas Bulānas latviešu leksikā ir daudz ģermānismu, kuri, kā zināms, latviešu valodā bija visai izplatīti 19. gadsimtā un Vidzemes un Kurzemes izloksnēs sastopami arī mūsdienās. Visvairāk Lejas Bulānas latviešu leksiku ir ietekmējusi krievu valoda, sastopami gan tiešie aizguvumi no krievu valodas, gan dažādas hibrīdformas un kalki.

Kopumā Lejas Bulānas latviešu valoda nav identa ne ar vienu latviešu valodas izloksni, tā tuvāka ir Kurzemē runātajai valodai, taču sastop arī Vidzemes ziemeļu izloksnēm raksturīgās parādības.

Salīdzinot 1993. un 2004. gada ekspedīciju rezultātus, var secināt, ka vairākas valodas parādības jau ir zudušas, daudzi vārdi tiek aizstāti ar aizguvumiem no krievu valodas.

Latviešu valodas īpašības vārda *ļauns* semantika salīdzināmi vēsturiskā aspektā literārajā valodā un izloksnēs

Mūsdienu latviešu literārajā valodā īpašības vārds *ļauns* nozīmē ‘tāds, kas vēl, dara otram ko sliktu, naidīgs, nežēlīgs, nekrietns; tāds, kas ietver sevī ko sliktu, bīstams’. Šī nozīme latviešu valodā ir sena un būtiski nav mainījusies kopš pirmajiem rakstu pieminekļiem, kuros minēts šis vārds (16.–17. gs.), tomēr, pēc etimologu domām, valodas agrākos attīstības posmos ir notikuši diezgan sarežģīti šī vārda nozīmju attīstības procesi.

J. Endzelīns latv. *ļauns* uzskata par verbāladjektīvu, kas atvasināts no darbības vārda *ļaut* un kura sākotnējā nozīme, iespējams, bijusi ‘vaļīgs, palaists’, tādējādi saistīdams to ne tikai ar liet. *liāunas* ‘lokans; slaidis, vaļīgs’, slāvu *ļokavъ* ‘ļauņprātīgs’, bet arī ar liet. *liāutis* ‘beigt’, *lavónas* vai *liavónas* ‘līķis’, senpr. *aulaut* ‘mirt’, čehu *leviti*, ukraiņu *libumu* ‘palaist vaļīgāk, atvieglot, atslābt’, gotu *lēwjan* ‘atstāt likteņa varā’, *lēw* ‘gadījums’. J. Pokornijs latv. *ļauns* un liet. *liāunas* atvasina no ide. saknes **lēu-* ‘palaist vaļīgāk’ un bez J. Endzelīna minētajiem radniecīgajiem vārdiem saista tos arī ar ukraiņu *l'ivk'j* ‘vaļīgs’, čehu *levný* ‘lēts’, krievu dial. *luná* ‘nāve’, *lunuty* ‘mesties virsū, sākt šaut’ u. c. M. Fasmers šo sarakstu papildina arī ar baltkrievu *лунуць* ‘iet bojā’. E. Frenkels bagātīgi min vairākus tās pašas saknes vārdus lietuviešu valodā: *paliová* ‘pārtraukums’, *paliáubà*, *paliaugà* ‘pārtraukums, pārtraukšana’, *paliáubos*, *pāliaubos* ‘pamiers’, *liðvytis* ‘izbeigt, pārtraukt, beigties’, *liūvis* ‘pabeigšana’, *lovys* ‘sile, mulda’, *lóva* ‘gulta’ u. c.

Šos radniecīgos baltu un citu ide. valodu materiālus semantikas ziņā ir iespējams relatīvi sadalīt divās lielās grupās: vārdos, kuru semantika saistīta ar atlaišanu, vaļā palaišanu, un vārdos, kas nozīmes ziņā saistīti ar nāvi, miršanu. Turklāt pirmās grupas vārdiem, visticamāk, ir senāka nozīme, tā tuvāka ide. saknei **lēu-* ‘palaist vaļīgāk’, bet otrās grupas vārdiem ir redzams jau tālāks nozīmes atvasinājums, kuru ļoti vispārīgi varētu raksturot šādi: ‘ļauties’ → ‘atslābt’ → ‘beigt (dzīvot)’ → ‘mirt’. Arī baltu **ljaunas*, iespējams, ir bijis daudznozīmīgs: ‘tāds, kas ir vaļīgs’ un ‘tāds, kas ir saistīts ar nāvi, miršanu’. No pirmās nozīmes tādā gadījumā ir atvasināta mūsdienu lietuviešu valodas *liaūnas* nozīme ‘lokans’, no otrās — mūsdienu latviešu valodas vārda *ļauns* nozīme ‘tāds, kas vēl, dara otram ko sliktu; naidīgs’.

Latviešu valodas senajos tekstos (16.–18. gs.) vārds *ļauns* ir minēts samērā bieži un tā lietojums būtiski neatšķiras no mūsdienu literārās valodas, lai gan atsevišķos gadījumos, vārds, visticamāk, lietots ar nozīmi ‘slikts’ bez nežēlīguma sēmas, piemēram, vārdu savienojumā *ļauri augļi* ‘slikti augļi’. Senajās latviešu valodas vārdnīcās (17.–19. gs.) vārds *ļauns* tiek skaidrots kā ‘böse (slikts)’, ‘übel (ļauns)’ un divos gadījumos arī ar dialektālo nozīmi ‘link (kreiss)’. Arī latviešu tautasdziesmās un 19. gs. beigās un 20. gs. sākumā izdotajā latviešu literatūras klasikā vārds *ļauns* pārsvarā lietots mūsdienu nozīmē.

Latviešu valodas izloksnes vārda *ļauns* lietojuma ziņā daļās divās daļās — izloksnēs, kurās vārds tiek lietots tāpat kā literārajā valodā, un izloksnēs, kurās blakus šai nozīmei ir pazīstama arī nozīme ‘kreisais (par apgērba pusēm)’.

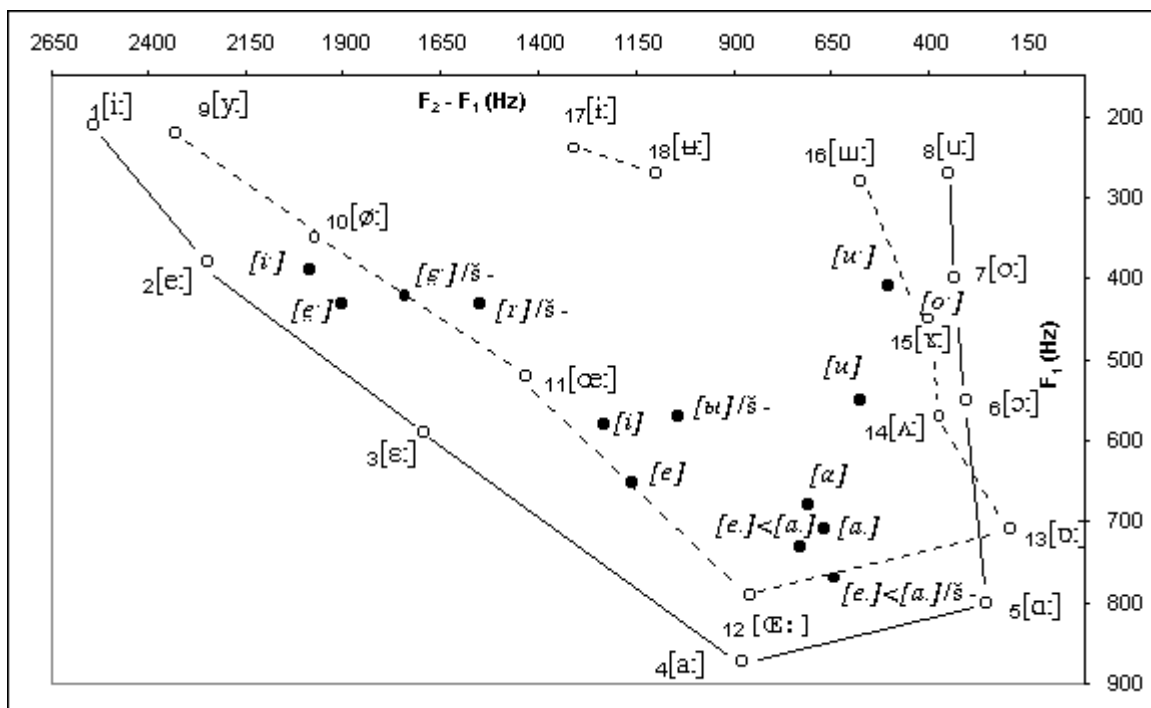
J. Endzelīns šeit saskata paralēles ar igauņu valodu, kur *paha* nozīmē ‘slikts, ļauns’, bet komparatīvs *pahem* — ‘kreisais’, *pahem-pòl* — ‘otrā puse, apvērstā puse’. O. Bušs un E. Kagaine pieļauj arī aizguvumu no lībiešu valodas. Saskaņā ar Latviešu valodas dialektu atlanta aptaujas kartotēkas datiem vārda *ļauns* nozīme ‘kreisais’ sastopama diezgan plašā teritorijā, pilnībā aptverot lībiskā dialekta teritoriju, taču Vidzemē to pārsniedzot samērā tālu uz

austrumiem, bet Kurzemē — uz dienvidiem līdz pašai Lietuvos robežai. Kopumā, balstoties uz šiem faktais, var diezgan droši apgalvoti, kad vārda *ļausns* nozīmē ‘kreisais’ ir sens semantisks aizgūvums no igauņu un, visticamāk, arī no lībiešu valodas.

Edmundas Trumpa (Vilnius — Ryga)

Pelesos šnektos izoliuotų ir D. Joneso kardinalinių balsių lyginimas

Pastarųjų metų lietuvių dialektologinėje literatūroje įprasta lyginti šnektų izoliuotus balsius ir D. Joneso kardinalinius balsius (Cardinal Vowels) (Murinienė 1998: 91–105; Bacevičiūtė 2000: 13–17; Leskauskaitė 2000: 89–91; Atkočiaitytė 2002: 169–173 ir kt.). Panašiu būdu su kardinaliniais balsiais palyginta 14 izoliuotų pietų aukštaičių Pelesos šnektos balsių.

D. Joneso kardinalinių balsių (—○— pirminių; - -○- - antrinių) ir Pelesos šnektos izoliuotų balsių (●) spektrai

Kadangi šnektos balsiai labiau centralizuoti, jų ir kardinalinių balsių kokybinių požymių mastelis nesutampa. Šių balsių spektrai bei dauguma kokybinių indeksų lygintini ne pavieniui, o grupėmis (plg. pav.). Pelesiškių įtemptųjų fonemų alofonai užima „erdvę“ tarp vidutinio uždaro ir vidutinio atviro kardinalinių balsių, visi kiti — tarp vidutinio atviro ir atvirųjų kardinalinių balsių.

1) Pelesos šnektos izoliuoti balsiai nepasižymi pirminiams kardinaliniams balsiams būdingu priešakumu, užpakalumu, atvirumu ar uždaru. Kai kurie šnektos įtemptieji balsiai panašūs į neaukštutinius antrinius kardinalinius balsius — F_1 ir F_2 spektro sklaidoje liečia tarp šių kardinalinių balsių esančią sąlyginę trajektoriją (priešakiausi pelesiškių [i] ir [e], ją peržengia). Aiškus skirtumas tarp lyginamų atvirųjų balsių: kardinaliniai balsiai turi priešakinius ir užpakalinius variantus, šnektos balsiai tokių neturi.

2) Pelesiškių izoliuoti balsiai turi mažesnes kompaktiškumo ir tonalumo indeksų reikšmes negu kardinaliniai. Tačiau lūpinis šnektos vokalizmas pasižymi gana aukštu bemoliškumo laipsniu. Išskirtinis šnektos izoliuotų balsių bruožas — įtempimas: uždarytųjų nelūpinių [i,] ir [é,] įtempimo laipsnis gana artimas pačių uždariausių antrinių kardinalinių balsių įtempimo laipsniui, o lūpinis [o,] įtempimu lenkia pačius įtempčiausius užpakalinės eilės pirminius kardinalinius balsius. Šiuo atveju ypatingą [o,] įtempimą lemia, matyt, gana stiprus lūpinimas. Neįtempti kai kurių pozicijų šnektos /a/, /a/, taip pat // alofonai (suužpakalėjęs [ʏ] — visais atžvilgiais labiausiai centralizuotas šnektos balsis).

3) Stiprus tam tikrų šnektos balsių lūpinimas gali ne tik padidinti jų įtempimo indeksą, bet ir susilpninti kai kuriuos su pakilimu ir tarimo eile susijusius akustinius požymius. Pavyzdžiui, šnektos [o,] iš lūpinių balsių yra kompaktiškiausias ir mažiausio tonalumo. Šiais dviem požymiais jis artimesnis ne uždariausiam /u/, bet atviriausiam /a/ alofonui. Matyt, tariant [o,] menkai atitraukiamas liežuvis. Lūpinimas tai kompensuoja, padidindamas kompaktiškumo bei sumažindamas tonalumo indeksus. Panaši lūpinimo bei kitų indeksų sąsaja būdinga ir kardinaliniams balsiams.

Йолита Урбанавичене (Вильнюс)

Взаимодействие литовского и славянских языков на окраине восточно-аукштайтского диалекта (на материале говоров окрестностей Адутишкиса)

Объектом доклада являются многоязычные ареалы, расположенные вблизи литовско-белорусской границы и живущие в условиях активного двуязычия. Литовскоязычное население окрестностей городка Адутишкис (Швенчёнский р-он) говорит на двух восточно-аукштайтских говорах: Адутишском и Свиркайском. Литовский этнос в этом микроареале постоянно контактирует со славянскими языковыми общинами — с местными диалектами белорусского и польского языков, а также с русским языком.

По сфере обслуживания и престижу целесообразно выделить несколько функций языков, употребляемых в окрестностях Адутишкиса:

- 1) локальный язык домашнего общения (бытовой язык);
- 2) общий язык многоязычного населения (язык-макропосредник);
- 3) профессиональный язык (язык католического костёла);
- 4) официально признанный язык региона (язык администрации).

Главные языковые контакты в Адутишском ареале развиваются между двумя языковыми общинами: литовской и белорусской. Белорусский язык (ещё называемый местным, «простым»), хотя и не имел значительного социального статуса, распространился из-за двух причин: 1) его поддерживал престиж генетически близких языков (польского, русского); 2) он считался «нейтральным», не привязанным к какой-либо одной национальности языком.

Языковые контакты особенно интенсивно и радикально развивались в XX веке (см. таблицу). Языковую ситуацию в окрестностях Адутишкиса можно назвать не только двухкомпонентной, но на определенном этапе и трёхкомпонентной, то есть максимальной.

Функционирование языков в окрестностях Адутишкиса в XX веке

Период	Литовцы (по национальности — литовцы, поляки)		Язык администрации	Язык-макро-посредник	Белоруссы (по национальности — поляки, русские)	
	Язык католического костела	Бытовой язык			Язык католического костела	Бытовой язык
До 1919 г.	польский / литовский	восточно-аукштайтский говор ↓ литовский литературный язык	русский	белорусский / литовский	польский	белорусский ↓ русский
1920–1939 г.	польский / литовский		польский	белорусский / литовский	польский	
1940–1990 г.	польский / литовский		русский / литовский	белорусский / русский / литовский	польский	
С 1991 г.	литовский		литовский	литовский / русский	польский	

В нашем докладе больше внимания уделяется односторонним языковым контактам: рассматривается, как славянские языки влияют на систему литовских диалектов. Интерференция проявляется на разных уровнях Адтишского и особенно Свиркайского говора: лексике, семантике, грамматике (морфологии), фонетике и акцентуации.

Для текстов, записанных в зоне литовско-белорусского пограничья, характерна гетерогенная структура. Заимствованные фразы и слова обладают повышенной эмоциональностью, носят стилистическую окраску, передают прямую речь, называют реалии, которым соответствия нет в литовском диалекте и т. п. Лексической интерференции особенно поддаются слабо организованные слои лексики (например, вводные слова). Зачастую заимствованные слова конкурируют с литовским диалектом, а говорящие сознательно выбирают один из вариантов.

Из морфологических категорий чаще всего заимствуются те элементы, которые находятся на грани лексики и морфологии — форманты словообразования, категории степени сравнения, виды глаголов. В речи информантов из двуязычных семей расплывчатая система согласования причастий по роду и числу. Флексия, как самый стабильный слой грамматики, остаётся незатронутой.

Фонетике, как и акцентуации, пограничных литовских говоров свойственна большая вариантность (хотя фонологически вокализм мало дифференцирован). Нестабильна количественная градация гласных. Двуязычные информанты склонны нейтрализовать оппозицию акута и циркумфлекса (такого противопоставления нет и в белорусском языке). Повседневные языковые контакты приводят к сближению артикуляционных баз литовского и белорусского языков. Такой механизм фонетической адаптации помогает говорящим на двух языках легко переходить от одной языковой системы к другой.

Говоры окрестностей Адутишкиса из-за близкого соседства со славянскими языками подвергаются сильным процессам конвергенции. С другой стороны, обнаруживается выравнивающая тенденция расхождения и изоляции, которая в этих периферийных говорах более ощутима чем в других восточно-аукштайтских диалектах.

Dėl pirminių Šiaurės vidurio Lietuvos vietovardžių

Mušos baseinas — Šiaurės vidurio Lietuva — iki XIV a. pabaigos buvo gyvenamas žiemgalių, vėliau susiliejusių su kaimyninėmis lietuvių ir latvių gentimis. Žiemgalių kalba išnyko nepalikusi beveik jokių rašto paminklų, todėl kalbėti apie jos palikimą yra sudėtinga.

Gali būti, kad krašto tarmė formavosi senojo žiemgalių kalbos substrato pamatu, patyrusio nemažą fino-ugrų įtaką, dar vėliau buvo veikiama latvių kalbos. Visa tai vienaip ar kitaip atspindi tiek tarmė, tiek vietovardžiai [Šliavas 1972: 439–446].

Manoma, jog žiemgalių palikimas yra kirčio atitraukimas į gretimą skiemenį (*Uodegà* [uõdeg] pv., Psv; *Aikštė* [áikšte] drv., Pkr; *Pašilė* [pàšile a] drv., Pšt), priegaidžių opozicija lietuvių bendrinės kalbos priegaidei kai kuriuose toponimuose (*Epušótas* [apušõts] sln., Lnk; *Pušynė* [pušýne] drv., Lgm; *Týrelis* [týrels] mš., Lnk), balsių įterpimas po *l*, *r* (*Skarādžius* gr., Slč, plg. *Skařdžius*, *Skařdis* avd., *skařdis*), galūnių redukcija (*Ūžvaras* [ùžvars] kl., Psv; *Pieva* [píev] pv., Pkr; *Mūšà* [múš] up., Pkr; *Brastà* [bràst] vt., Pkr; *Ošà* [õš] pv., Pkr; *Pakapė* [pàkape] b., Psv) etc.

Iš kitų tarmių šiaurės vidurio Lietuvos tarmės skiriasi galūnių trumpinimu, pvz.: *Aikštė* [áikšte] drv., Pkr; *Gõjus* [gõjs] mš., Pkr; *Lankà* [loñk] pv., Pkr; *Kamšà* [koñš] pv., Lnk; *Liūgas* [l'úgs] šlt., Jnškl; *Pagirỹs* [pàgirs] k., Jnškl; pv., Lnk; *Sklėpas* [sklėps] drv., Žml; *Kapaĩ* [kàpe]; *Sókai* [sóke] k., Slč; *Trākai* [trāke] mš., Pkr. *Vópnyčia* [vópneč] mš., Pkr. O panevėžiškiai trumpuosius balsius galūnėse suplakė į vieną balsį, kuris po kieto priebalsio yra užpakalinis, o po minkšto — priešakinis. Šie balsiai virto neaiškios kokybės murmamuoju garsu, kuris dažnai toks silpnas, kad praktiškai jo beveik negirdėti (*Kařklis* [kařkəls] up., Jnškl; *Veñgris* [veñgərs] pv., Krk).

Trumpieji kirčiuoti balsiai *i*, *u* dažniausiai platinami į *e*, *o* (*Šilas* [šels] pv., Lnk).

Nekirčiuoti dvibalsiai *uo*, *ie* ir balsiai *o*, *e* atitinkamai siaurinami į *o*, *e*, pvz.: *Pievėlė* [pevēla] pv., Všk; *Užusienė* [užusene] drv., Pšt.

Bendrinės kalbos dvigarsius *am*, *an*, *em*, *en* taria įvairiai. Tvirtagaliai ir nekirčiuoti išvirsta į *on*, *om*, *en/om*, *em/om* (*Kamšà* [koñš] pv., Lnk; *Lankà* [loñk] pv., Pkr).

Balsis *e* žodžio pradžioje neretai išlaikomas sveikas, kartais tariamas *a*, kai kur gali būti pridodamas *j*, pvz.: *Eglėlės* [aglėlas 1a] drv., Všk; *Ėžeras* [ėžers] gn., Žml; *Ievýnė* [jevýne] drv., Slč.

Pirminiais¹⁰ vadinami vardai, kurie onimizacijos procese negavo papildomų darybinių formantų, pvz., kai greta esančiai pievai, laukui, kalnui ar kitam objektui suteikiamas vardas, nekeičiant žodžio darybos. Vietovardžiais virtę bendriniai ir tikriniai žodžiai išlaiko pirmykštę savo formą¹¹ negaudami papildomų darybos formantų, tuomet geriau pastebimos tarminės formos: pvz.: *Kiřvis* l., Sks : *kiřvis*; *Liėpa* drv., Žgr : *liėpa*; *Liūnas* pv., Slč : *liūnas*; *Jókimas* pv., Všk : *Jókimas* avd; *Rygà* drv., Všk : *Rygà*; *Sibiras* l., Pšt : *Sibiras*; *Šešėvė* gn., Krk : *Šešėvė* up.

Kartais sunku nuspręsti, ar vietovardžiu tapo pirminis žodis, ar jau turintis kokį nors afiksą, nes pirminiams priklauso ir vardai, kilę iš priešdėlėto, priesagėto ar sudurtinio apeliatyvo (pvz. *pakalnė*, *pašilys*, *alksnynas*, *pylimas*, *piliakalnis*). Dalis vardų sudaryta iš priešdėlių *ap-*, *at-*, *į-*, *iš-* vedinių: *Apkasaĩ* db., Všk : *apkasaĩ*; *Ātaugas* mš., Slč : *ātaugas*; *Ātmatos* drv., Jnš : *ātmatos*; *Ātžalos* pv., Slč; pv., Psv : *atžalà* dgs.; *Įgriuva* sln., Slč : *įgriuva*.

¹⁰ Kokie toponimai laikytini pirminiais aptarė A. Vanagas (1970: 28–52).

¹¹ Pavyzdžiai pateikiami bendrine kalba, o ne tarmiškai, nes taip akivaizdesnis ryšys tarp apeliatyvo ir toponimo.

Tačiau dažniausiai vardai pasidaromi iš priešdėlių *pa-*, *už-*, *užu-* vedinių, kurie reiškia vietą *prie* ar *už* ko nors: *Paduõbė* b., Psv, *Paduõbis* b., Všk : *paduõbė*, *paduõbis* „vieta palei duobę, duobės pakraštys“; *Paklúonė* b., Žml : *paklúonė*; *Pašilỹs* b., Psv : *pašilỹs* „vieta prie šilo, miškelio“; *Ùžbaliai* b., Žgr : *ùžbalis* „vieta už balos, pelkės, užpelkis“; *Ùžgerklis* b., Žml : *ùžgerklis* „vieta už gerklės“; *Ùžkalnė* b., Pšt : *ùžkalnė* „vieta už kalno“.

Daugiausia priesagėtųjų toponimų (pasidarytų iš priesaginių apeliatyvų) turi priesagą *-yn-*, įvardijančią pamatiniu žodžiu nusakomų daiktavardžių susikaupimo vietą. Jie sudaryti iš įvairios reikšmės daiktavardžių: *Ajerỹnė* b., Pšt : *ajerỹnė*; *Beržỹnė* b., Všk : *beržỹnė*; *Česnakỹnė* mrk., Pšt : *česnakỹnė*; *Gyvatỹnė* plk., Jnš : *gyvatỹnė*; *Karosỹnė* b., Jnš : *karosỹnė*; *Karvelỹnė* b., Sks : *karvelỹnė*; *Kelmỹnė* b., Slč : *kelmỹnė*; *Tankỹnė* b., Lnk : *tankỹnė*.

Dalies pirminių vietų vardų pamatinėmis leksemomis eina bendrinėje kalboje vartojami įvairūs sudurtiniai apeliatyvai. Šiaurės vidurio Lietuvoje gana gerai išlaikyti sudurtinių žodžių jungiamieji balsiai: *Angliadegỹs* pv., Lnk : *angliadegỹs*; *Diẽndaržis* b., Žgr : *diẽndaržis*; *Dvarãvietės* drv., Pkr : *dvarãvietė*; *Geležinkelis* kl., Žgr : *geležinkelis*; *Kryžkelė* vt., Žml : *kryžkelė*; *Kurmerausỹs* pv., Jnškl : *kurmerausỹs*; *Piliakalnis* drv., Pkr : *piliakalnis*.

Pirminiai toponimai gali būti pasidaromi iš įvairių būdvardžių, kuriais nusakomas objekto dydis, forma ar kitokia ypatybė. Dauguma būdvardžių — įvardžiuotiniai, išlaikę ilgą galūnę: *Apskritóji* [apskritój] b., Pkr : *apskritóji*; *Baltóji* [baltój] l., Pšt : *baltóji*; *Gilióji* [gil'ój] b., Pšt : *gilióji*; *Neudobnà* b., Jnš : plg. rus. *неудобная* ‘nepatogi’; *Zãpasnos* b., Pšt : plg. rus. *запасная* ‘atsarginė’, *запаснуть* ‘susidaryti atsargą, paruošti, apsirūpinti’.

Literatūra

Šliavas 1972 — J. Šliavas. Žeimelis. Vilnius, 1972.

Vanagas 1970 — A. Vanagas. LTSR hidronimų daryba. Vilnius, 1970.

Содержание

От редактора	3
Конференции по балтистике в СПбГУ	4
<i>А. В. Андронов (Санкт-Петербург)</i> . Над страницами «Латышской диалектологии» Марты Рудзите	5
<i>Р. Бацявичюте (Вильнюс)</i> . Проблемы экспериментального исследования звуков в диалектологии	7
<i>В. Вишмане (Рīga)</i> . Pāņņu nosaukumi latviešu valodas izloksnēs	8
<i>О. Бушс, Э. Кагайне (Рига)</i> . Ещё раз об ареальном и этимологическом аспекте анализа латышской лексемы <i>rauna / Rauna</i>	9
<i>Л. Б. Воробьёва (Псков)</i> . Этнографическая лексика в поговорках (на материале литовского языка и псковских говоров)	11
<i>Л. Грумадене (Вильнюс)</i> . Новейшие изменения в литовских диалектах	12
<i>А. Genelytė (Vilnius)</i> . Augalų pavadinimai, sudaryti iš gyvūnų, paukščių ar kokių kitų gyvų būtybių vardų	13
<i>А. Д. Даугавет (Санкт-Петербург)</i> . «Приёмы» слогаделения в селонских говорах латышского языка	14
<i>А. Дубасова (Минск — Санкт-Петербург)</i> . О палатализации и йотации <i>k, g</i> в латышском литературном языке и в диалектах: условия и ограничения	15
<i>А. Kaikarytė (Šiauliai)</i> . Daiktavardžių priebalsinio linksniavimo nykimas lietuvių kalbos tarmėse	17
<i>S. Kessler (Greifswald)</i> . The concept of Latgalian grammar of Bukšs and Placinskis	18
<i>S. Kļaviņa (Rīga)</i> . Rīgas Latviešu biedrības Zinību komisijas devums latviešu izlokšņu aprakstīšanā	20
<i>L. Leikuma (Rīga)</i> . Latgalieši un viņu valoda Krievijā: zināmais un izzināmais	21
<i>А. Leskauskaitė (Vilnius)</i> . Priebalsių <i>s, z</i> ir <i>š, ž</i> distribucija kai kuriose pietinėse lietuvių šnektose	24
<i>D. Mikulėnienė (Vilnius)</i> . Dėl akcentinių ir morfologinių Dieveniškių šnektos daiktavardžių variantų („Dieveniškių šnektos žodyno“ pagrindu)	25
<i>Ю. В. Откупщиков (Санкт-Петербург)</i> . Диалектный материал и балто-славянские лексические изоглоссы	26
<i>А. StafECKa (Rīga)</i> . Lejas Bulānas latviešu valodas dialektālais pamats	28
<i>А. Trumpa (Rīga)</i> . Latviešu valodas īpašības vārda <i>ļaus</i> semantika salīdzināmi vēsturiskā aspektā literārajā valodā un izloksnēs	30
<i>E. Trumpa (Vilnius — Ryga)</i> . Pelesos šnektos izolietotie ir D. Joneso kardinalinių balsių lyginimas	31
<i>Й. Урбанавичене (Вильнюс)</i> . Взаимодействие литовского и славянских языков на окраине восточно-аукштайтского диалекта (на материале говоров окрестностей Адутишкиса)	32
<i>Р. Endzelytė (Kaunas)</i> . Dėl pirminių Šiaurės vidurio Lietuvos vietovardžių	34